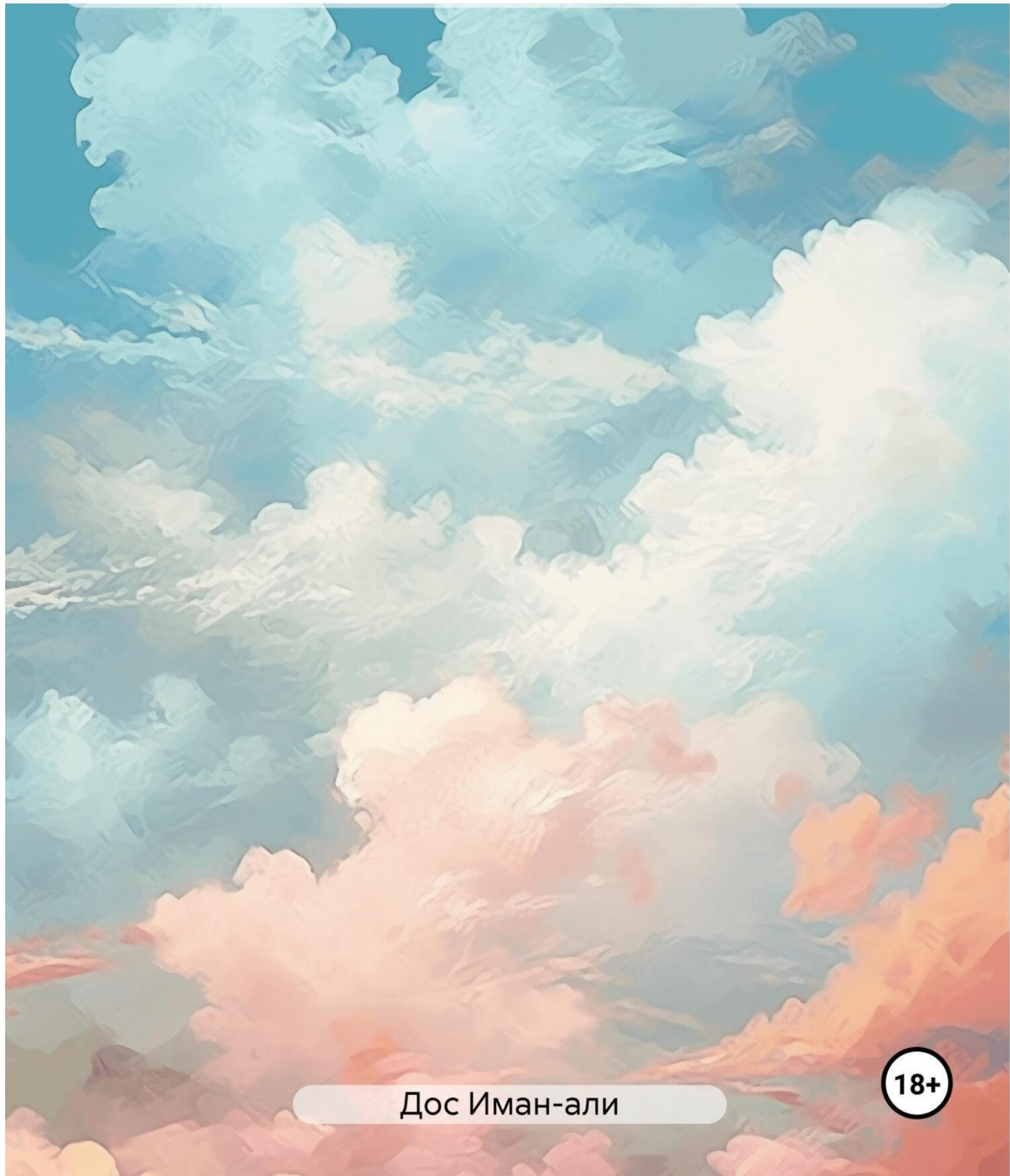

Аманат

Дос Иман-али

18+

Дос Иман-али

Аманат

«Автор»

2024

Иман-али Д.

Аманат / Д. Иман-али — «Автор», 2024

История про двух братьев сирот, получившие в детстве воспитание у дяди, их юность прошла в советском училище. Судьба им бросает вызов. Дипломированные парни открыли двери во взрослую жизнь, старший в звание лейтенанта, устроился по направлению в системе МВД, второй став художником окунулся в творческую среду. Им предстоит испытать на себе становление нового государственного строя. Жизненный путь преподносит разное жесткое наказание обеим. В этом противостоянии роль женщины занимает большое место, в неё влюблены оба брата, каждый по своему строит планы на будущее. Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

© Иман-али Д., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дос Иман-али

Аманат

Глава 1

Нет женщины, которая хотя бы во сне не изменяла мужу.

Коко Шанель.

– Алуа, привет! Вот достал телефон, безлимитный, сегодня можем говорить сколько угодно, пока нас не заглушат.

– Классно! Я тут дома, уборкой занята, тебе срочно? Вчера у нас были гости, мы хотим мужа в Крым отправить, на море, лечится. Алло? Слышно? Сотку купил что ли?

– Нет, с телефоном одни проблемы; каждому надо позвонит, обычно в долг просят, и всё это здесь запрещено. Я на третьем этаже, здесь хорошая связь. Жаль, что только интернет не работает. Арендую аппарат, вот сегодня можно пользоваться до отбоя, – ответив подумал: убирается, моет грязную пол, протирает пыль, сметает мусор, возможна и мои слова отправит в урну.

За фиксированную мзду охранники предоставят арестантам всё, что требуется в тюрьме. Ей часто прилетала от него СМС сообщения. Их текстовое общение началось с длинных фраз, на деловом формате, примерно, через полгода – обменами букв, они плавно перешли на короткий дружеский фон, с обеих сторон писались письма с кодированными элементами романтизма, а душевные импульсы передавались соблазняющими смайликами.

– Отлично! А, о чем? – спросила, сдувая угольную чёлку.

Новость про море смывала улыбку с лица Армана, но он не был сильно омрачён, и не захотел углубляться в причинах мгновенной реакции своей физиологии, тактично продолжил с вопросом на вопрос:

– На лечение? Что с ним? – спросил слегка прокашляв.

– Ненавижу кашель. Ему надо легкие лечит. Морской воздух рекомендовали. – она сухо продиктовала слова врача.

В последнее полгода невербальное общения супруг заметно оттеснила устное. Многократное повторения обнадеживающих слов, потеряла дух.

– Простудился, – ответил, перебирая слова склеил эти фразы, отвечающий на обе стороны интереса, – главное здоровье! Лечится надо своевременно. Знаешь, я поторопился, может потом поговорим?

– Всё нормально, времени у меня – вагон! Дети отдыхают, муж в городе, только вечером приедет. Я слушаю...

– Хочу признаться тебе... – начал свою речь кротостью.

Зародышем душевного порыва, уже не молодого человека являлось переход общения с почтенного на «Вы», на статусом ниже, но имеющий власть уравнил на «Ты», это напоминает суперсовременный вид связи, стирающий границы вежливости и хамства. «Признание вины, значительно сократил бы срок заключения» промелькнула мысль в нейронной сети у обеих абонентов. Вопрос свободы Армана со временем для них стало приоритетным, после, поиск справедливости.

Высоко образованный её ум поделилась советом:

– Сначала к адвокату.

– Нет, я не изменю показание! – возразил своей благодетельнице, вспомнив выражения юриста «лучше убийцу защищать, чем политика».

– Боже! Я подумала о твоём деле. – сказала растерянная слушающая, – с признанием, мы добились тебе – скорой свободы!

– Нет, о свободе потом. Поговорим о моих чувствах к тебе.

Она швырнула тряпку в сторону чистого порога и выпалила укоряющими словами:

– Брось! Брось! Брось! После стольких лет хоть и заочного знакомства, ты готов испортить наши отношения, зачем? Можно же, просто дружит.

В дружбу разных полов она верила до первой мнимой измены, вспомнив неоспоримый факт «между дружбой мужчиной и женщиной что – то встаёт». Муж хотел убедит её в неправоте, когда первый раз, со свадьбы коллеги он пришёл в сопровождение чужого аромата. Наша героиня тогда носила трёхмесячного первенца, и кардинальные изменение в её организме привели к резкому обострению обоняния и наточила в ней нервозность. На новые запахи она отвечала рвотой. В ту ночь, от костюма любимого исходил смесь дорогих сладких духов. Она ревностно уловила эти ароматы, побежала в туалет. Тогда он отмахнулся фразой «я так и знал, ты знаешь, как бывает в гардеробной, накидают – друг на друга, точно, и от этого пропитался! Кстати, может ты путаешь, я же люблю мягкие ароматы, у меня сейчас другой, забыл название». Второй раз; давно забытый любимый запах парфюмерное сокровище «Chanel №5» прибыл под костюмом супруги. Впервые сработало в женском мозгу орган памяти, где хранятся формулы духов. Она снова и снова принималась к кашемировой пальто и к потной рубашке. Глубоко затягивая воздух с ароматом от «Versace», и вместе с тем уловить частички последних изобретении европейских парфюмеров, чтобы быть уверенной в своей компетентности. Сравнивала, смешивая разных газов в голове как лаборантка, анализировала слияние жидкости в стеклянных сосудах и не смогла избавиться от сомнения, от подстрекательства собственного обоняния. В итоге, ей хотелось ошибиться. Парфюм от фирмы «Versace» и «Chanel №5» были сильнее от предположения ревнивой супруги. Обнюхивая как друг кинолога осознала, что «Chanel №5» сильнее других проникла к торсу мужа. «Оригинал» – залетело это слово к ней оставив трафаретную печать на внутреннем стороне черепа, о коротком любовном романе. «Оригинал». С той минуты освежающий воздух любое благовоние пробуждал в ней воспоминание об измене. Ведь, незадолго до праздника эту подукцию любимой Коко, она завидно выбрала в подарок, своей одинокой подруге на тридцатилетие. Теперь, у неё стоит строгий выбор: душится или придушит себе это желание.

– Алуа, спасибо за дружбу! – умалился пленённый нежным чувством, – послушай, я должен высказаться...

– Нет! Никому ты нечего должен, – громким возгласом оборвала признание, – прошу, помолчи минутку. У нас был уговор, ты слово давал; только деловые отношения. Я замужем, мать двоих детей, если ты забыл. Мы никогда не виделись, и ты не знаешь какая я в жизни? Как ты можешь говорит о чувствах, не зная обо мне ни – че – го? Куча вопросов! Я не такая хорошенькая, какую ты себе воображаешь. Потом у меня нет к тебе ничего существенного. Понимаю, как вас там колбасят от избытка гормонов.

– Нет, это не гормоны, для меня главное не твоя внешность, а то, что мы чувствуем.

– Нет никакого Мы! – пророчала незнакомым тоном, – Арман, если хочешь знать, я к тебе чувствую глубокое уважение, как патриоту страны, как доброго, честного и хорошего человека. И всё! А ты, что там накрутил себе?

История её чувств не закачивалось на двух словах «И всё!». Иногда, она узнавала в нём ранние черты своего любимого, были услышаны повторяющие живые слова, с особой тональностью, с характерным диалектом, редкое умение сочинять фразы объединяющих противоположных мнении. Волны связывающих их постепенно натягивались, она искала встречи пока её талия радовал взгляды многих мужчин, и даже добилаась предоставления ей свидания как независимого журналистки, но, согласие от Армана не было.

– Я знаю, как ты выглядишь, достал твоё фото из газеты, сделанное в день журналистики, там тебе вручали награду. Помнишь? Наверняка, у тебя есть это фото, классно выглядишь! Увидел твоё лицо, и после – влип! Моё лицо тебе знакома по черно – белой фото, что приклеена на моём деле.

– Мне противна эта тема, будешь продолжать, этим всё закончится. Влип – он!?! Выкинь из головы! Ну, точно, как ребёнок, это уже не серьёзно, повторяю, всё на этом закончиться! – сказала впопыхах, приблизив к друг другу колкие брови у зеркала, пригрозила, через секунду она показала себе позу кокетки и нежным голосом жадно продолжила, – спасибо конечно, но, побереги слова для другой.

Любуясь собственном отражением, красавица забыла про уборку, сделала Па. Рассматривая хорошо сохранившую фигуру после родов, поблагодарила мысленно своих родителей и инструкторшу по фитнесу. От ласкающих чувств, её оторвал голос в трубке:

– Всё серьёзно, всё идёт от сердца. – повторил выученную строку.

– Нее, не продолжай, я сыть по горле мыльной оперой, не говори мне ничего, а то я брошу трубку.

– Алуа пойми меня, просто чтобы ты знала. Я – я ...

Интуиция ей подсказала, что в будущем он заведёт об этом разговор, будут вопросы, прокручивая в голове такую сцену, вооружилась несколькими вариантами ответа. «Нужно быть деликатней в сердечных делах и держать ответ наготове, как дипломат, а то – чем чёрт не шутит?» предупреждала себя. Сейчас, поддавшийся эмоциям, Алуа выбрала неожиданно другой ответ, самый худший. Она предполагала, что эти подготовленные словосочетания с её уст могут пробудит у него брезгливость и может радикально изменит их взаимопонимание. Лишённой чистоты речь, характеризующий совсем другого, без культурного человека, без особого труда собрана и была наготове. Её мозг предложил самый грубый действенный вариант, для защиты от нависающей угрозы от любовных атак. В оправдания утверждению внутренней обезьяны "не для защиты, а для атаки!", она ответила «без этого приёма, у него не рассыпится иллюзия». Вот так выпалила своё объяснение на высоких тонах:

– Арман, я тебя не понимаю, не буду кривить душой. Во-первых: этим ты разрушишь чужую семью, об этом ты не подумал? Во-вторых: разве я тебе давала повод, чтобы ты так заговорил со мной? В-третьих: я прошу простит меня, за грубость. Зачем тебе видит мои обсопанные груди? Это вымя, которую ненавижу сама. Я дама не первой свежести.

– Алуа, это для меня совсем не важно. – вставил блокирующие слова, чтобы остановить её нападки.

– А ты что хотел увидит!?! – продолжила атаковать, по неэтичному сценарию, – да, когда-то они смотрели высь, когда-то в прошлом, и многое утрачено, например, молодость не вернуть обратно – никогда! Эти близняшки давно потеряли сходства, сама недавно заметила, что они разные и больше тяготеют к матушке земле, и обе по-разному. Ну ты понимаешь меня? Фото семилетней давности не передаёт всего этого, тогда я была даже не целованная. А сейчас – я баба, с большой попой, и ноги с варикозами, с целлюлитом, короче говоря – куча мясо! Далеко не девочка, которая на фото. Понимаешь?

– Ух ты! Как ты со мной... Жестко!

– Пошло? Что правда, то правда!?! Не перебивай меня, пожалуйста! Хотя, чувство – это не тело, а мозги. Слушай дальше, мастер – изобразительного искусства, включи воображения! – попросила Армана и подняла из глубины души тревожную тему, – в молодости был у меня уголок, с небольшим прихожим. Домик которую арендовали мои пацаны на девять месяцев, с первых дней для их жизни, с шикарном круглосуточным питанием и вниманием доброй хозяйки, давно потеряли привлекательность для хозяина. Надеюсь, ты поймешь о чём я, поймешь же, не мальчик, сужу по посещениям мужа. Ещё. до его диагноза, он сказал мне, что надо поменять аромат. Аромат! К слову, я себе никогда не покупала духи или простой дезодорант, просто

хотелось сюрпризов, чтобы он лично выбирал для меня и дышал мною. Понимаешь? А ты знаешь мой любимый аромат?

– Я не знаю, и тебя такую не знаю, ты права... – неожиданный вопрос достал врасплох жителя лагеря, считавшего, что «нет аромата кроме чистого воздуха».

Вместо духов в черепе художника тут же появились рисунок в стиле ню, грушеобразной торс с двумя буквами V на груди, его мозг нарисовал их в разные ряды, а кончиков острых углов подкрасил кориневой краской, на вершине ног вырисорвысовался – большой чёрный треугольник с направлением, где лежала кругловатая силуэт карлика. Словом, фантомная карикатура на скульптуры богини красоты Афродиты.

В обеих концах связи слышалось только финишное дыхание бегунов неудачников. Алуа первым нарушила тишину, вызвавшей смуту и притянула за уши Армана оторвав от творческого процесса:

– Вот – вот! Говорю, только тебе, сама ещё не осмыслила всё это. Если, так пойдёт и дальше, то квартиранта пушу, наверное. Шучу! Чёрный юмор. Хе-хе! Хотя, дай подумать, сперва нужно сделать ремонт в этом балагане и с мужем надо разобраться. Ты, такую меня не знаешь. Я бываю очень разной, и в большинстве – я не хорошая. Ещё раз, прости, у меня такое чувство, что мною пользуются. – добавила черную краску в его палитру.

– Не злись, прошу, это тебе не идёт. Пошлостью я насытился до конца жизни, хватить мне. На счёт пользования, да, я пользуюсь твоей добротой. Жду не дожусь, отплатить тебе тем же. Ты говорила про ремонт, это про лечение?

У Армана целый век не было близости с женщиной, что путал их имена и их последовательность. Это сказывалось в его речи, некоторые слова выговаривал с мелодичном оттенком после генеральной репетиции. Вступит в связь с другой, для него означало изменой, он был влюблён как школьник. Её обнадеживающие слова принесли ему галлоны горного воздуха.

– Понял. – сказал думая о способе избавления от граффити на внутренней стороне собственной крыши.

– Я не злюсь, просто эмоция. А так, есть небольшие проблемы. А что? – продолжая заигрывание.

– Ничего, это твоё здоровье. Главное в твоём случае – решаемо? Может быть у него проблема? – последний вопрос зазвучал громче первого.

– Выясняется это так, ему предстоит серьезное и долгое лечение. У меня ничего критичного. Надо ходит в зал, хочется приблизится к стандарту 90-60-90 как было до замужества. Это большой труд и время. – ещё раз на себя запустила дивный взгляд со стороны.

– Вы не говорили на эту тему? – закидывая дрова в угасающий костер.

– То работа, то здоровье, то ещё что-то у него. И, хватит о нём. Мы забываем о нашем соглашении. – буркнула с прокисшей улыбкой.

– Хм... Про семью ни слово! Помню. Прости. Алуа, и я тоже не Бред Пит! Каким ещё буду, когда выйду отсюда? Это большой и больной вопрос. – с дрожью в руке поменял пластинку на свою сторону.

– Кругом все говорят, что ничего не имеет значения, главное любовь. Вздор! Всё имеет значения! – профессионально закидывая сеть в океан чувств Армана.

– Не знаю как у вас. Моё фото ты видела. У меня всё остальное, относительно стандарта, если тебе интересно? – с сожалением спросил.

– О – о! Конечно, это будет интересно моим читателям. Рассказывай про себя как на духу, всё что считаешь важным для себя, а я спрошу, потом, что я хотела бы узнать.

– Ты уже начала писать? Я не умею рассказывать, особенно про себя. Давай не будем грузит меня, буду рассказывать, что придёт в мою голову. Хорошо!

– Хорошо. У меня нет ещё ничего, только зарисовки, мало материала, и нет от тебя душевных откровений.

– Сейчас, сказанное мной будет ли для тебя откровением или нет?

– Да. Я слушаю, только вопросы оставь мне.

– Ок! Ну, слушай тогда. Ты тоже, меня таким не знаешь. Это точно! Детство и юность – наводят любого на скуку, пропустим это. Первый сексуальный опыт я получил в день своего совершеннолетия. Удача! Это точно так. Видимо, девушка постарше меня на три года, пожалела или пожалела меня, или саму себя, не знаю. Для меня её «подарок» оказалась не забываемым сюрпризом, на всю жизнь! Она была у меня первой, и за полгода Гулим меня научила всему, видать начиталась Камасутру. Потом, много завоевывал внимание красавиц, на стаж можно сказать – нормальный, квалификация хорошая.

– О – о! Значит, ты профессионал!

– Нет конечно. Любитель – это точнее будет, от слова любить. Профессия у меня художник – реставратор. В моём деле профиль указан, как художник – живописец, то немного другое. Государство еще не платила за мои профессиональные работы, я только по частникам, на нефтянку устроился по контракту, разнорабочим. Алуа, как творческий человек, я тебя очень хорошо понимаю и чувствую.

– Понимаешь? А, что чувствуешь?

– Доброту.

– И как же оно проявляется через такое запретное пространство, интересно?

– Я думал об этом, первое, что пришло на ум, это, наверное, твоя забота.

– Да. Многие люди обделены этого, заботы. У меня есть понятие долга, на уровне профессионального и человеческого. Я стараюсь, как могу... Не будет правдой если я не скажу, у меня есть ещё корыстная цель, ты – герой моего романа! Так что за заботу, мы будем в расчёте, как только напишу книгу про твою жизнь. А, другие в ответ мне, часто предлагают любовь, любовь – инстинкта! Хотя, как знать? Может и любя?

– Я их понимаю. Тут, тоже есть страшные помехи в понимании добра, её часто принимают за слабость.

– У нас, за глупость. Вера в альтруиста не существует.

– А, альтруисты – они есть?

– Есть и их не мало, просто, они не могут общаться со всеми, достойных очень мало.

– Знаешь, ты права, здесь общение с женщиной обязательно приводят к одной мысли.

Это нормальное состояние мужчины.

– Да, согласна. Если, не навязчиво, то это нормально.

– Прости, что так получается. Я как чувствую, так и говорю, отвык к тому же.

– Скажи Арман, почему ты один?

– Один или одинок?

– На обе ответишь?

– Почему не создал семью? Это хочешь узнать? Если, это тебя интересует, то, мой короткий ответ таков: ещё не готов брать на себя ответственность за других. Да, я в этом плане одинок.

– Что помешало подготовится?

– Да просто был дурачком, не было уверенности в завтрашнем дне, в материальном плане, я не имел стабильной работы.

– Мм. Были кандидаты?

– Да, ещё какие!?

– Расскажешь?

– Без проблем. Просто, у меня нет такой лирической истории, чтобы можно было о ней писать. Одни банальности.

– Ну, это уже я решаю, что и как писать. Продолжай.

– Мне везло на красивых девушек, их было достаточно, чтобы выбрать себе жёнушку. У них, у всех почти были одни и те же недостатки. Если, можно так сказать.

– Недостатки?

– С кем бы я хотел идти в загс, у них у всех побывали гости или в лучшем случае гость.

– И что? Просто, ты не любил, я думаю, что ты тупо искал себе достойную – по строгим стандартам традиции или религии. Может тебе не везло?

– Может и так. Да, так и есть, скорее, мне нужно было всё согласно нашей традиции.

– Полюбил бы, позабыл бы про гостей и про требования традиции.

– Нет Алуа. Это для меня проблема, и боюсь неисправимая.

– Да ладно! А что мне, только что хотел сказать?

– То было до моего ареста, сейчас я мыслю по – другому. Я хотел сказать...

– Ну продолжай, скажи лучше какой ты теперь?

– Хорошо. Я сейчас думаю иначе. Убедился, что многие девушки лишались своей невинности в основном обманом, лишь малая часть пострадала от неё неспелой любви.

– Как ты сказал? Спелой любви? Поясни.

– Просто, поспешили, одним словом, были зелёными. Может быть сила гормонов?

– А любовь? Обычно по любви случается, потом почему – то расстаются.

– Бывает всякое, мне такие не встречались. Например я...

На этом месте его накрывает жёлтым светом, в оглушительном тишине всем телом падает в бездну, в эту секунду оборвался связь с внешним миром.

– Алло, алло, не слышно, алло!.. – она хотела дослышать последнюю фразу. Посмотрела историю звонков, высветился шаблон "Номер скрыт". «Хороший материал для романа, надо дать волю» подумала она, положив телефон в карман халата с надеждой, что он сегодня ещё позвонит и продолжила уборку дома.

Дети собирали конструктор в детской комнате, вернее старший брат включил фантазию и был весь в игре. Застеленный ковраланом пол, был буквально засыпан игрушками и деталями конструктора. Алан и Ахан искали что-то, что прилепится к этой куче с крепким основанием. Фундамент скелета была заложена их мамой, и она же раскидала всё из большой коробки, чтобы заняться домом. Ахан сначала всё отправлял прямиком в рот, Алан же искал какую-то важную деталь для своей конструкции, он наконец нашел не хватающую деталь для своего строительства, подбежал к брату и забрал у него красный кубик.

– Алан, зачем тебе кубик, оставь, пусть Аханчик поиграет, потом заберешь. Я кому говорю? Оставь! Он же маленький, сейчас заплачет, видишь лицо у него покраснело?

Нет, Алан не отдаст кубик, без него он не построит дом или что он хотел возвести. Стоит, неподвижен, непоколебим, кубик держит двумя руками за поясницею, раздул щеки, нахмурился, упёрся взглядом в своё сооружение. Характер!

Ахан не выдержал такого урона, заплакал услышав поддержку матери, будто потерял самое ценное. Она падала ему такой же кубик оранжевого цвета, он выбил из её рук, немного приподняв руку, мать пригрозила громким голосом:

– Вы что мне тут права качаете, сейчас по попе получите!

После сотрясение воздуха ничего не поменялось, дети не почувствовали эту угрозу серьезно. Только лишь глаза вытаращили.

– Ну, кто хочет получит по попе?

Молчат.

– Партизаны! Скоро приедет папа, получите от него. – смягчив приговор, она удалилась.

Удивительно! При слове «папа» пацаны тут же обратили внимание к матери. Что это было? Кто может знать, какое чувство у них зародилось в этот момент. Знаете? Боюсь, что этого не знает никто. Дети из другого мира. Они другие.

Алуа не помнит сколько раз заходила детям, при каждой смене мыслей у неё появлялось в голове команда «иди, к детям!». Она от детей никогда не отходила больше чем на 500 метров, когда ходила за покупкой в магазин, лишь однажды была разлучена с Аланом. Это было в день рождения Ахана, два с половины года назад, когда её увезла скорая помощь. Она в следующий день буквально рыдала, кругом все подумали, что это «от боли». После звонка Марата в её ушах осталось плачь – зов старшего сына. Белые стены родильного дома постепенно превращались в серый цвет, ей казалась при взгляде, что стрелки застывали на настенных часах. Под окаменевшей её груди постоянно что – то щемила. Так в первый раз она ощутила боль разлуки.

Вместо оборванного связи с той стороны забора, зазвучала любимая мелодия от абонента «мой Генерал».

– Алло.

– Привет! Это Я. Ну как вы? Звонил, занято было, с кем так долго разговаривала?

– Привет! Как ты? Да, сестра звонила, она не хотела вчера оставаться, я её попросила помочь с уборкой, у неё с утра были дела какие-то. Сейчас спрашивает, приехать или нет, ну и о том о сём, так проговорили пока ей не позвонили по второй линии. Где ты находишься? Почему нас не разбудил?

– Она женщина деловая, а ты ей про уборку. Утром, я не хотел будит, вы сладко спали, и потом не хотел расстраивать никого. Сейчас я в аэропорту Минводы. Заказал такси до санатория, приеду на место, устроюсь, позвоню. Как пацаны? Чем заняты? Меня не искали? – отвечая, поймал мысль о том, что «привычка врать, уже в крови».

– Искали, ещё как! Первым проснулся Ахан и поползал по всем комнатам. Алан, как всегда, звал тебя, выбежал на улицу! Я не поняла, почему ты так рано уехал? Как незванный гость, не знаю... как тебе передать, моё возмущение? И как ты один справился с чемоданами?

– Меня же Санжар сопровождал, ты не знакома с ним, мой новый сотрудник. Да просто не хотел светится, знаешь соседи заклюют вопросами. Сыть по горле, после вечернего провода.

– Ну да.

– Никто из наших не знают, что я ушёл по инвалидности. Это лишнее. Столько было пламенных речей, красноречивых пожеланий!

– А зачем им это знать преждевременно? Время придёт, узнают.

– Конечно! Иголку в мешке не утаишь.

– Сейчас, главное твоё – здоровье! Не забывай про лекарства, ты уже попил таблетки? Как погода?

– Конечно, попил. Без них я никуда.

– Ну хорошо, я тут еще уборкой занимаюсь. Мусора столько, бери хоть лопату и выгребай! Это надо видеть, везде бычки от сигарет, будто все курит пришли в наш дом. В общем, у нас генеральная уборка, как ты любишь...

– Понятно. Ладно, роуминг тут дорогой, пойду на выход скоро такси должен подъехать. Заказал официалку, а говорят местные таксисты заряжают космические цены. Прости, за то, что не попрощался!

– Я понимаю, не волнуйся у нас всё хорошо, поправляйся!

– Пока, целую и обнимаю! Люблю тебя!

– Я тоже, мы тоже любим... – простилась грустным голосом Алуа.

Они познакомились на пресс-конференции в здании генеральной прокуратуры. Он сидел на президиуме отвечал на вопросы журналистов. Алуа представляла районную газету, где были арестованы группа лиц, работающих в отделе образования. Она готовила статью про этот случай и нужно было много информации по этому делу. Девушка с неуправляемой энергией пробралась к микрофону первым, игнорируя выстроившей очередь, наглым тоном задала вопрос следователю:

– Прощу вас простить меня коллеги, у меня рейсовый автобус через час отъезжает. Простите. Вы же понимаете меня. У меня вопрос. Скажите пожалуйста, Марат Аронович, когда закончится следствие по делу арестованных работников образования?

В очереди и из зала поочередно слышались голоса недовольных.

– Что в вашей редакции нет своего транспорта? – спросил с ухмылкой, сидящей один из ответчиков с президиума.

«Кто или что дает ему право на эту ухмылку? На возвышения себя любимого, над другими, над сидящими чуть ниже, находящийся в самом конце зала. Не вина ли всего этого – сцена и трибуна. Сцена – где артисты играют злого и хитрого персонажа. Зачем отвечающему выходит на трибуну и прятаться за ним? Не такой должно быть архитектура демократии. Я бы предпочла конструкцию древнего площади для сбора граждан, хочу, чтобы они выступали как на арене цирка!» эти мысли как пчелиный рой загудели в голове девушки.

– Есть машина и не одна. Но, они нужны по более важным делам редакции. У нас идет уборка, если, вы не в курсе. – гордо и резво отвела молодая журналистка.

– Здравствуйте! Вы не представились, как вас? – вмешался в диалог Марат.

– Простите. Поторопилась. Извините. Моё имя – Темирбекова Алуа Марковна, я работаю в газете Горизонт.

– Отвечаю, на ваш вопрос Алуа Марковна. Все следственные мероприятия закончены и дела переданы в суд. Ещё будут вопросы? – монотонным голосом спросил прокурор.

– Можно будет записать детали этого дела?

– Зайдите в мой кабинет, там вам выдадим всё в письменном виде.

Так начиналось их знакомства, до бракосочетания были бесконечные вопросы неуёмной журналистки и уклончивые ответы следователя. Через три месяца, их служебные отношения плавно перешли на любовные рельсы. Крылатая фраза «Люблю тебя!» произносились между ними столько, что эти слова со временем потеряли своё одурманивающее волшебство.

Чистоплотная хозяйка испускала седьмой пот наводя порядок в доме, в тоже время холодом сквозила в душе как в заброшенном старом доме:

«Неправильно будет, после такого общаться с Арманом, когда его нет рядом, он ещё болеет. Надо прекратить! Замечаю, что между моими ушами большое место заняло герой моего романа. Не вешает ли он мне «лапшу на уши?». Теперь, не ему невинно осуждённому, а мне, потребуется психологическая помощь. Это признание меняет всё! Дальнейшее общения надо приравнять к измене супружеской морали. Как говорят от «греха по дальше», я пока не доступен для него. Если так, для моих читателей будет скучно, без продолжения «романа», как всё может изменится, не представляю. По идеи, я должна дорожит его признанием и продолжит общение внушая ему скорую свободу, стойка переносит тяжёлые времена и встречу тет-а-тет. Интересно, готов ли он обменять меня на свободу? Как же это узнать, если прорвётся связь? Так тоже нельзя, должно быть выход из этой ситуации. Надо хорошенько подумать».

Ей в голову лезли разные мысли, раздувая маленький женский череп до размера мужского, треск и тяжесть мозга требовал отдыха. Тихий детский час ещё была на половине пути, она присела на край дивана и обратилась к внутреннему свидетелю:

– Как отразится эта новость на его здоровье?

– Плохо. – пробубнила Алуа вслух.

– Молчания золото!

– Да! Он любит меня по – особому, даже меня зовёт «Сауле, свет моих очей!»

– Как быть с изменой?

– Я атеистка, мне догмы ислама и других религии не закон.

– Этика!?

– Идея его, я грешна в том, что хочу написать роман о нём. Об этике пусть думает Марат.

– Как быть? Он больной.

- Не ты ли мне подливал масло в огонь, когда появлялся подозрение о его верности?
 - Мм да. Ты же ждала поддержку.
 - Мысли о его неверности к нашему браку откуда?
 - От дуновения.
 - Не факт!
 - Да, мне не нужны доказательства, я просто чувствую его измену всеми пяти органами.
 - Верить в эти органы не эмоционально?
 - И то верно. Я жена следователя, запах проветрится «к делу не пришьешь», к тому же я не хочу аргументировать методом служебной собаки.
 - Итак, проведем параллели двум сомнениям, поставим на весы.
 - Параллели будут жить, они бесконечны, и веса не имеют.
 - Будем ждать, когда выветрится аромат и запах лекарств?
 - Да, и будем жить.
- Свидетель на суде, это прежде регулировщик судьбы подсудимого. Алуа занимается изучением уголовных дел, с показаниями и дальнейшей их роли в обществе. Её интересовала образ жизни должностных лиц, участвовавших в этой драме, собирала компроматы. Главный герой её книги пострадал от показания свидетеля, являющим тайным стукачом полицейских. С его легкой подачи он получил сем лет лишения свободы. На вопрос коварного прокурора:
- Как вы оказались на площади вовремя беспорядок?
 - Меня и нашу компанию двора, позвал на митинг Арман, то есть подсудимый. Он сказал, что там «будет весь город, мы будем требовать повышения зарплаты». – ответил сосед, по тексту следователя сценариста.
 - Вы, его хорошо знаете?
 - Как хорошего соседа, он тихий такой, без проблемный, короче говоря, нормальный мужик.
 - Вы знали, что жилища вашего соседа являлось штаб – квартирой бастующих?
 - Не знал. Я честный человек, говорю всегда правду, в последние дни заметил, что к нему зачистили гости. – отводя взгляд от клетки, где сидел обвиняемый.
 - При обыске вы присутствовали как свидетель, когда сотрудники нашли запрещённую литературу и листовки о призыве к не санкционированную митинг, с тяжёлыми последствиями?
 - Я видел эти материалы, ознакомился. – убедительным тоном произнёс, подкинувший на балкон Армана, тяжёлую сумку на кануне ареста.

Глава 2

Мир – это тюрьма, в которой одиночная камера приятнее прочих.

Карл Краус.

– Алло! Алло! Осужденный Рахманов, слышите меня, тебя вызывает Кремль! – взрывным хохотом сопровождая сказанное худощавый средней сутулости офицер, стоя над головой направил струю «Боржоми» прямо в лицо лежащего без признаков жизни, держа бутылку в районе своего паха, язвительно продолжил, – промочи горлышко, минералкой собственного производства.

Вернула Армана в затуманенное сознание громкий смех людей разговаривающих по телефону, он открыл глаза, казалось в лицо билось две струи теплой жидкости. Вдруг до него дошло тошнотворная мысль, что на него справляют малую нужду. Его тело мгновенно покрылось куриной шкурой, он запыхтел как упавший интеллигент в канализационную жижу, разом все конечности судорожно задёрнулись, будто спасался от укусов роя диких пчёл. Он рефлекторно хотел поднять голову и сплюнуть попавшую в рот капли урины, но, тут же вернулся яркий желтый свет – накрывшая абсолютно всё.

– Слушай! Это дубинка творит чудеса! Как же они называют это резиновое – изделия №2 или дубак? Нет, это ты, в одном лице! – злорадствуя погладив вернул оружие хозяину, – на вооружайся, учись пока живой.

– Анальгин или демократизатор! – ответил, проглотив издёвку командира, натянул надутое лицо лживую улыбку, продолжил, – прикольно придумано. Не все умеют обращаться палочкой – вырубалочкой. Вы, как питчер в бейсбольном поле, великолепно исполнили мощнейший удар!

Голова зека заменившего бейсбольного мяча, с вытянутым шеей сопливо вдыхал пыль бетонного пола. Мозг был выключен ударом в область темени. Внешних видимых повреждений не было, легкое покраснения кожи появилось спустя минуту исчезновения рассудка.

– Как придёт в себя, доставишь его вместо Деда мороза, пусть дожидается родственника в одиночке. Запишу, как уважаемого абонента сотовой связи!

– Будет исполнено командир! – с показным повиновением.

Пока сушились вещи, ему нарисовали пять суток ШИЗО. Утром его ждёт тишина иодичества, а сегодняшнюю ночь проведёт под наблюдением в казарме.

Очнулся Арман от сирен сверлившие его ушные улитки. Сумеречное пространства, он лежал вонючем матрасе упёртой чугунным взглядом на дно железных нар. Левым плечом подпирая кирпичную стену, а правая рука, ища свободу попал под оголённую ногу с наколотыми ящерицами, напоминающий огненную саламандру. Боли он не почувствовал, всё тело немело. Между разрисованными голеньями виднелся зашторенная уборная. Сверху падали утверждающие слова: ночью мы тебя превратим в политическую проститутку!

– Убью, убью всех! – заорал в ответ, он хотел встать, принят бойцовскую стойку, но прилипшие к полу руки и тело не дали, лишь ресницы подчинялись ему, внутри всё пылал, – повешусь, чем попаду в гарем!

– Арман просыпайся, вставай, за тобой пришли. Приснилось что? – разбудил сосед, шатая трёхъярусную кровать.

Издали до него долетели знакомые звуки:

– Р-а-х-м-а-н-о-в! К в-ы-х-о-д-у!

На выходе нетерпеливо топтался прапорщик, разговаривая с осужденным, сложа ладони рупором ещё раз повторил:

– Рахмонов! Встать!

Командирский ор добился своего.

- Я осужденный Рахмонов Арман Аланович. Четырнадцатый отряд. Осуждён по статье...
- Одевайся и в ШИЗО.

Здание изолятора находится в пяти минутах ходьбы, пройдя две локалки двое ненавистных персонажа шли выполнять приказы начальства. Прапорщик открыл железную дверь камеры, Арман вдыхая застоявшийся воздух затхлым старческим запахом фыркнул:

- Фу!
- Что олень? Отвык? – с ухмылкой поинтересовался вертухай.
- Мертвечина командир.

– Привыкнешь. Не впервой тебе, отдохнёшь от шушары, может быть помалкивать научишься. Честно, я тоже устал сопровождать тебя. Слышал, тебя оглушили этим, – постукивая по плечу палкой, хихикнув продолжил, – вернули в сознание поливая выдохшейся миниралкой. Будешь должен бутылку командиру!

Тайник, где хранились фрагменты издевательств в мозгу у Армана открыть. Ему предоставлен прапорщиком возможность избавиться угнетающего ложного воображения, хотя, он знал, что никакое старание не сотрёт тень зла, пока солнце светит через решетку. В голове просквозила мысль «Какое счастье, оставаться чистым!». Улыбаюсь, он радостный остался наедине.

Камера ему показалась просторной, обещающий уют, в миг выветрился вонь. В витающий боль по всей запретной зоне тоже куда – то исчез. На стенах от писачки остались царапины, похожие на рунические буквы. Вчера, отсидев пять суток, отсюда отбыл местный сторожил, ему тюрьма – дом родной! Человек всю сознательную жизнь проводил в заключение, история – про закоренелого зэка это о нём, «дед мороз» освобождался лишь, чтобы получит новый срок. Любимым персонажем стал после последней совершенной преступления под новый год на корпоративе, за кражу барсетки актёра, вместе с мешком подарков для сотрудников отдела внутренних дел города. «Так скорее меня найдут, будет что рассказать мужикам и срок не малый впаяют!» – подумал тогда недавно переступивший на восьмой десяток. После оформления пособия сказал себе «не прожит мне на эту пенсию» и пошел на необычное дело. Может быть, у него есть дети, о которых оба стороны не знает. К слову, все остальные сроки вор получил по заслугам, таких истории "Украл, выпил – в тюрьму!" как комаров на болоте.

Первая встреча у них произошло в мастерской, где с утра Арман зарисовывал агитплакат для администрации. Старое кирпичное здание пахло свежей краской, кругом завалено разными картинками вождей и тружеников. Вдруг, в эту тесноту весело вваливается пожилой мужчина, в чистой новой робе. «Блатной подумал» хозяин большого бокса.

– Здорова политик! – уважительно обратился колышки пузатый старик, – будь добр, мне нужно, чтобы ты наколот ещё одну колокол на моей церкви, – показывая ему татуированный голый торс.

На воле Арману приходилось заниматься много чем, во времена перестройки его сокурсник открыл салон «Тату», у него была большая практика по «телесной живописи», бросил, пока ему не надоело, а в тюрьме у колышки на хлеб с маслом всегда хватает. Профессионалы везде в почёте, прежний мастер вышел по УДО, а в должность художника его вынудили по просьбе опера, после одобрения смотрящего. Здесь принята занимать тёплые места только сотрудничающих с администрацией. Смотрящий зоны, сделал для него исключение, теперь сам персонально держит ответ за действие или бездействие Армана.

– Доброго здравия! Не вижу свободного место, надо пофантазировать, как можно уместить. Размер, какой должен быть? – спросил дипломированный художник, встал со стула сделал незаметный поклон как в родном ауле при виде старших.

– Думаю, это будет последним, старый я уже, кажись, ещё семь лет не протяну, здоровье не позволит. А это на твоё усмотрение!

– Я думаю, самый большой и высокий шлем, с крестом на шее, самое то, и в тумане, в дымке, не классическое облако как у большинства. Как творческий человек, могу ли – Вас спросит? – увидев лиц вождей М.Э.Л.С.

– Валяй.

– Вы верующий?

– Мне нравится твоя идея, только не самый большой, по сроку смотреть надо, пока эскиз нарисуй, потом решим, с облаком или без... – угрюмо произнося вспомнил, он понял намёк, что всё небесное на теле означал – божественность.

В следующий раз «дед мороз» был у Армана как клиент. Татуировка получилось на славу, не кучевыми, а перистыми облаками и с глубоким смыслом «путник в поиске». На зоне они виделись редко и то из далека, всегда здороваясь старик, опуская голову прикладывал ладонь к большому куполу. Говорили, что последнего похода в одиночку ему стало хуже, в казарме попал в кому, потом забрали в больничку, больше никто его живым не видел. История самого любимого детского персонажа закончилось под серой оцинкованной ржавеющей табличкой с номерами, на окраине села в казённом кладбище.

– Фу! – фыркнул во второй раз, после воспоминании ему снова вернулась, что оставил после себя старик.

– Четвёртый! – хриплый голос звал кого-то в коридоре.

– Слушаю.

– Кто, откуда, с чем пожаловал?

– Погоняло «политик» с 14 отряда, пятёрку дали, «барабанил».

– Ассалаумагалекумм брат! Меня зовут Азиз Чиназский. – акцентируя на последнем слове изменив тембр, утром получивший прогон про Армана сосед по камере предложил, – за «барабан» знаем, «дорога» курсанул, отдыхай, после поговорим.

– Уaleyкумм ассалам!

В памяти нашего героя, осталось сырой нафталиновый запах, ещё запала на душу фраза неумного бунтаря «здесь время замедляет ход!». Частички боли уставшего от ломки хронического ревматизма ног, бывшего зэка оставили свежий след на подоконнике этой камеры. Сотрудники администрации не тронули крылатое выражение, и автора, им понравилось удушьяющий эффект слов. Вот так поделился своими чувствами хранитель воровской традиции. Говорят, что после «крещения» одиночки, ощущение страха покидает тело. Нет это не правда, страх порождает – зло, боязнь будет всегда, где бы ты не находился «у страха глаза велики». Одиночества в кругу общества полезная, а в многих случаях обители штрафника, если не заболеют хронической болезнью, то деградируют.

Как говорили в прошлом веке, в нашем обществе «воину социальной справедливости» с первых дней уныние вселяются в прямиком в серые вещества, как зубная боль, с гнилым нарывом, не удалишь – не перестанет. Вот тогда и начинается «изгнание бесов» тогда и сон проветрится сквозником. Действительно, здесь время замирает, но не остановится никогда, каждую секунду можно почувствовать на себе, когда боль пробиваясь через кожу и мышцы – начнёт сверлит твою кость. «Это война между системами и со мною, – гордо заявлял, поднимая себе дух набрав полный воздух в легкие, испустив на половину продолжил мысль. – и Армана с Арманом!». Он уже знает, что после хлопка двери, попадёт в окружения атакующих мыслей, словно небо с грозавыми тучами стреляющими ледяным градом.

Ограничения свободы во всём, влияет на всё! Надежда и мечта, всегда были спасением от сумасшествия, когда тебя зажимают каменные стены всего два на три метра, особенно тяжело с симптомами клаустрофобии. Вместо солнце «светит» искусственное освещение, твои лёгкие наполняется стоячей вонью канализации, ждущей сквозняка когда всех гоняют на часовую прогулки по кругу, напоминающий разминку чистокровных скакунов. Это суровое помещение

сулить лишь пороки, хотя, считается местом для правильных зекв, никто из них не помнит осужденных из нижней касты.

Покинув постель посреди ночи, он стал наматывать шаг за шагом километры, приговаривая себя на дневное мучение. Днём запрещено спать, шконка впиивается в стену в пять часов утра, лишив наслаждение от горизонтальности. От зари начинается типичное телодвижение осужденных – от окна к двери, туда-сюда, бесчисленное количество раз, это напоминает недвольного короля животного мира – в клетке! Арману хотелось погнать на прочь плохие суждение, и сфокусировать интерес на недосыгаемую часть.

– В небе есть жизнь! Полярная звезда указывает нам путь, и это неспроста, да, иногда умирает звезда, оставляя яркий луч, как и у нас, правда многие из нас не оставляют после себя ничего. Жаль. Память хорошо помнит великих! – завидным тоном направил слова к звездам и прошагал от окна и обратно, к более яркому свету от дверного проёма, где с наступлением темноты засветился клинок, рассекающий ночь. Этой красивой картины вечности за бледным окном было достаточно, чтобы убедиться – всё, как всегда. Похвастаться оценками в школе по астрономии он не мог, а то была бы для творческой личности совершенная другая видение ночного мира.

Путешествия в прошлой жизнь отнимал много внимания и время, существенно сокращая срок прибывание. Профессионал, погружаясь в своё воображение, представлял всю картину в режиме «нон стоп». Рядовому человеку в обычной обстановке, такое не возможно проделать, а экстремальных условиях вовсе запутается, другое дело изолятор, ещё во время длительного одиночного заключения, это привычное дело. Недавно, он закончил эскиз фантастической картины, написанной только цифрами, датами от рождения и смерти людей, исторической эпохи и эры. Числа, только цифры начинали повествование и заканчивали их с датой смерти.

От приятного погружения в мир фантазии, в очередной раз оттащили цоканье железных подков самовлюбленного вертухая. Коридор по ходу его движения наполнялся страхом, злоеющая тишина тому свидетель. Жирдяй в погонах носился со страхом с полной пузой, с выдохом эти вирусы прокрадывались ко всем. Чем громче были слышны шаги, аритмия наводил хаос во всём организме осужденных. Арман услышав противные звуки замедлялся, останавливался, потом бесшумно прыгал на шконку, ложился, изображая спящего. Нарушения ночного распорядка строжайшем образом каралось по усмотрению хозяина, ведь по статистике большинство преступлении совершаются в обеих мирах в тёмное время суток. Не зря тёмная сторона Луны посеяно тайной, когда излучает светом этот спутник земли, нас накрывает загадочная темнота.

– Люблю тебя! – живительные слова появились в тиши.

Это фраза очень редко звучали из его уст «если повторять много раз, то слова теряют искренность». Два слова, мысль о ней, рождали надежду! На зоне нет место романтизму, но, в одиночке они оживляли такие чувства.

Наконец наступил шестнадцатый день заключения, хотя немногие в свободной части этого района собирались в постель, внутри периметра «ночь» наступает с командой «отбой!». Его должны были выпустит утром, но, в администрации решили, что освободять утром следующего дня, лишив «политика» торжественного ужина приготовленным семейниками. Граждане в мундире решили «с жалобой – в гости не идут, много чести после одиночки, пусть караулит там».

Проведенное время в каменном мешке буквально высушил тело Армана. Странное явление, недостатка влаги и воды не было, на улице в последние дни не наблюдалось сильной жары, хотя было солнечно. Все физические параметры по показаниям психрометра установленное в коридоре, показывали допустимую норму. Но, всё же, с каждым днём мощные мышцы бывшего спортсмена постепенно превращались в сплошное сухожилие. Это цена победы войны со страхами.

Одиночка, это мир улитки. Они обитают во времени, в этой сырости, возле толчка, никто точно не знает откуда моллюски появляются здесь, сгнившая канализация проложила путь, к месту их нирваны. Арман ещё с училища много знал об этих существах, когда начинал рисовать серии картин «свободных» моллюсков. Удивительные создания! Смотришь, на ракушку сверху, видишь, что прилип и засох, а нет движется тварь. Являясь символом вечности и плодородие в древнем Египте и Вавилоне, доказывают глиняными рисунками своё место в истории человечества. Должно быть они мудрее многих живых. В учении ислама они сеют сомнение, так пишут, в этом есть зерно правды, мы в полне не знаем их роль во вселенной, считается, что в буддизме они учат терпению. Да! В христианстве получили значение обозначающий грех и лень, и ещё принято такое умазаклучения, что эти твари рождается в грязи и живут, умирает там же – в нечистотах. Думается, это мнение средневекового городского жителя европейской части земли. У каждого живого организма есть. ареал, своя Родина! Начиная с рождения и до самой смерти, на его защитном панцире образуется спираль, в науке названным золотым сечением Фибоначчи, символизирующий бесконечность и жизнь млечного пути.

Полное одиночества, всё – как всегда, как в прошлом. Единственный обитающий в убогом пространстве живое существо – улитка, показался ему знакомой. Если не брать в учёт паука, соблюдающий территориальный нейтралитет, имеющий свою интересную историю, и ещё залетавших за своей смертью рой – обычных мух и комаров. Другие арестанты говорили, что навещали крысы проходя через парадную унитаза. Нашему герою никто не приходил, только ползающие твари и летающие кровососы, последние состоять на службе администрации. Они везде. Здесь врага искать не надо, они атакуют круглые сутки. Хотя, у них есть выбор, в отличие от хороших знакомых. Вот над ними Арман властен, единственным союзником в противостояние кровопролития в камере, можно назвать хозяйку паутину у окна. Улитка лишь свидетель.

– Ну здравствуй! Как поживаете? – обращаясь к улитке и восьминогой невидимке у сетки, – вижу, что у вас всё хорошо! Я к вам погостить на пять суток. Надеюсь, не возражаете?

Разговоры с жителями другого мира, всегда, душевное, интимное. Одиночества делает молчаливого человека болтливым с живыми существами, будто он понимает их язык, к тому же улитка и паук является иконой тату. Солярный знак Тенгрианства – крест всегда грел душу Армана, хотя он родился в исламском обществе, почитающий паука спасителем пророка Мухамеда и Абу Бакра свежо сплетённой паутиной над входом пещеры, оберёг от погони неверных.

Последнюю ночь, он вовсе не спал. Раздражителем ночи был скрежет входной двери. Массивные, специально наваренные в разные стороны несъёмные шарниры, никогда не переставали издавать этот жуткий вой. Кажется, такая защитная конструкция нарочно не учла способ смазки, чтобы ржавчина и трения издавали звуки нагоняющий тоску и уныние. Редкие щелчки от локальных дверей провожали надзирателя до самого выхода. Захлопнув выход, монстр покинул тишину. Он встал и взялся за старое, всю ночь будто занимался замерами комнаты. Временами взгляд сидельца уходил через армированный решётку, через окно дарующий свободу, наслаждался млечным путём, наполняющий внутренней мир.

Круглосуточно включённая лампочка, стало сильным раздражителем его покоя и медленно ослеплял любого зрячего, закрыв веки заключённый видел только красное зарево. Спустя время он узнал, что влажность в камере намного суше чем в прогонах, 150 ватная лампочка не только излучал свет, но изрядно сушил воздух. Влажность в его помещении была ниже, чем в коридоре, где-то на четверть может и больше, относительно к общепринятым нормам. Хуже всего было то, что эти ухищрённые пытки нарушали его биоритм, не давали выделить мозгу усыпляющее вещество организму для отдыха, не говоря о тех пагубных влияниях на лёгкие и дыхательную систему. Это один из новых способов истязания не требующих специальных средств, таким образом его дни наказания были насильственно удвоены, а ночь напрочь удалялся при ярком освещении. Время от времени для остроты ощущений по негласному приказу

"хозяина" закрывали окна, ставнями на глухо, тогда Арман блуждал во временном пространстве, как в ночном тумане в этом каменном мешке. В таких условиях пытки, его мозг потреблял намного больше, чем положенных 25% энергии для организма. Большая потеря энергии, это новый изощрённый вид истязания, применялись только лидерам группировок, кого физические боли не сломили, и не повлияли на их мироощущение.

Сон – который заметно урезал срок заключения, здесь жестока предают сидельцев. Тогда он, как и многие мученики не знал свою биологическую сущность. Не мог знать, так как научно это доказано совсем недавно, что из-за таких нарушения режима содержания, организм не вырабатывает достаточного количества мелатонина – гормона сна. Несколько дней жизни без солнечного луча, кожу осужденного превращали дряхлого бледно – белого цвета. Это ещё один способ придуман начитанным опером, чтобы сломит дух осужденных, нанося не видимых травм.

– Самая страшная тюрьма находится в твоём черепе! Именно там находится ад и рай! Только больные и дураки выбирают двери ада, а умные там находят врата рая! Хотя они внешне одинаковы. Просто надо проявит терпение и дождаться своего ангела! – произнося эти мысли вслух, вспомнил автора этих строк имама аульской мечети.

Арман достойно держится, прошёл все этапы издевательств и пыток оперов. Были моменты, когда приходили вербующие мысли о сдаче, какая-то незримая сила удержало от пленения страхом. Таких людей в заключение немного, пару человек на отряд.

– Настоящее – мучительно, прошлое – прошло, с надеждой смотрим на будущее! – пробормотал под нос арестант, в ожидании чего – то доброго.

Если бы не его мечтательность, то не мыслимо было бы выдержать такие длинные и частые сроки в одиночестве. От приятного погружения в свою мечту, и оказавшись на воле пусть даже в воображении, Арман много творил. Пограничное состояние изредка дарило ему немного энергии, иногда в хмуром лице зека появлялся улыбка. Приближающие шаги вертухая, слегка попинали светлые мысли, в голове стало пусто, неизвестность. Он плюнул в туалет.

– Тфу! Неужели, этот душегуб идёт ко мне, какую подлянку ждать от него? – взмолился страдалец направляя взгляд на верх.

Об этом тюремщике ходили нехорошие разговоры, если случится бунт – он мишень №1! Такие изверги рождаются с особым складом ума – они за версту чувствуют опасность и время разгрома, и не выходят на работу. Недавно случилось трагедия, после его посещения камеры, арестант повесился, следователь в деле записал это как самоубийство. В оперчасти работают ещё парочка живодёров, готовы любого осужденного превратит в манкурта. Надо отметить, что не все сотрудники мучители – душегубы, но, почти все знают, что с их молчаливого согласия на зоне творится беспредел. Зона как никогда в состоянии восстания.

Больше всего боязнь Армана заключалось, это когда тебя по беспределу могут посадит в камеру к петухам или к членам СПП, которые могли изнасиловать. Совместное проживание с такими вырожденками уже обречён нести позорный статус в тюремной иерархии. Бывало всякое, но, до сегодняшнего дня «Тенгри оберегал его» думал он.

– Марат, Арман!? Идите домой! Бегом! – с детства ему хотелось услышать зов отца, этого не было и во сне, просто с каждым круговым поворотом повторял про себя, – Марат, Арман!? Идите домой! Бегом!

Перед глазами он хотел увидит родной дом, улицу, где они с ребятами гоняли мяч у подножья гордых скал Каражала. Но, такая картинка не складывалось, будто киноплёнка оборвалась там где начиналось его детство, он натужно вспоминая этот промежуток времени, и с трудом сконструировал рассыпанные детали – в импровизированного футбольного поле. Ворота из двух камней, начерченные линии в поле известковым порошком; в центре большой круг, квадрат у ворот и добротной засыпанную белоснежным порошком извёстки – священное место, напоминающий фарфоровую блюдца. Точка для удара пенальти.

– Как было бы хорошо, если удастся уснуть и хоть там поиграть с ребятами в футбол! Может получится? – проговорил под нос и снова упал на шконку.

Уснуть не удалось, не получилось увидит добрый сон. Часто переворачиваясь, он только лишь помучил матрас, а его мозг лихорадочно искал ответ на вопрос «зачем Марат попросился на свиданку?». Мало кто поверит, в то, что Арман ответил протестный отказом от свидания.

«Твой брат хороший человек, если, не передумаешь то после одиночки, я запеку тебя к шерстяным.» твёрдо заявил опер. Он может, и не такое.

Конечно, согласился, но, на вопрос: зачем брат отнял покой? Не получив ответ, его память предоставил во внимание фрагменты из похорон отца с мельчайшими подробностями. В этот раз в голове всё легко вырисовались, словно он повторно смотрел старый фильм на черно-белом плёнке. Вот тобут, на котором лежал в направлении востока его отец Рахман, завёрнутом в чёрно-коричневой кошме, от усобшего стояли шеренга аксакалов держа расстояния с человеческого роста, а следом за старцами вся мужское население ауыла. Мулла только что начал читать молитву жаназа, поднимая голову вверх и прикладывая ладони к ушам время от времени поворачивал голову, от стороны в сторону. Все стоящие перед ним до единого повторяли движение священнослужителя. Вспомнил Арман, как непоседу привели за ручку во двор и по наставлению родственников тоже повторял за взрослыми, не понимая суть происходящего ритуала. В таком неведение оказался и Марат хоть немного старше его. Когда взрослые повернули головы в сторону, они вслед повторили в точь-в-точь. Первый раз у братьев получилось синхронно, в следующем движение что-то пошло не так, в этот момент они услышали доносящий из дома тихий плач женщины, их взгляды встретились с многочисленными вопросами. В тот день слёзы были у многих, громче всех горестно плакали родственницы с тяжёлой скорбью исполняя жоктау. Позже вся слабая половина, поочередно нагибаясь обнимали их, одна старушка на ухо прошептала младшему «Аллаху тоже нужны хорошие люди». Только тогда его глаза наполнилось слезой, они ещё не осознавали, что осиротели, но Арман понимал детским умом, что если они у Аллаха, то уже обратно больше не вернуться. Им никто не сказал, что у их отца просто остановилось сердце.

Опасаясь за психику пацанов и девочку оставили дома, под присмотром женщин. От слов дяди Аскара, приходившим старшим братом отца, услышали эти слова:

– Ваш отец заболел, и сейчас он спит, мы его накроем от солнца, проводим на лечение, он вернётся не скоро, вы пока у нас будете жить и в школу от нас будете ходит.

– Нет, не правда, он у Аллаха. Он очень хороший человек! Почему Аллаху нужны мои родители? – возразил маленький Арман.

– У Аллаха? Маму тоже он забрал. Не спрашивай Арман, у них один ответ «Аллаху нужны хорошие люди», а нам они не нужны что ли? Кто с нами остаётся вместо хороших? Не правда всё это, они все боятся его. – обманутые глаза Марата смотрели вслед за траурным шествием.

С тех пор мальчишки сердиты на исламского бога, к нему у них уйма вопросов, начиная от детских лет до сегодняшнего дня. Вопрос кто примет на воспитание сирот, не у кого не возникал, так как на жаназе Аскар взял всю ответственность за долг умершего, начиная от денежных средств и заканчивая о воспитание детей, вплоть до женитьбы.

Традиция кочевников ещё живет в сердцах степного народа. Люди в этих месть узаконили по нраву инстинкты сакральных сайгаков, антилопы не обходят стороной потерявших мать новорожденных, животное принимают сироту как свою, кормят материнским молоком. Вот так в ауыле появилось ещё одна многодетная семья из шести деток. Позднее глава семьи пожалел, что сказал на похоронах пацанам, если бы он знал, что они умные не годам, то разговор был бы другим.

Кроме перелома костей, все передаётся! так гласит мудрые слова предков. Отец и его брат Аскар тоже росли сиротами, их родителей унёс джут в случившимся в 1932 – 1933 годах.

История поколения сирот начинается с приходом коллективизации Великой степи, когда на обочинах дороги появились трупы людей. Их спас родственник, отвезший в детдом в другой город. Они воевали против фашистов, первым ушёл старший в двадцатилетнем отработав два года на железной дороге, второй закончив в апреле 1943 года Фрунзенское лётное училище прибыл в часть лётчиком истребителя. Аскар победу встретил в Берлине, а после окончания войны, фронтовику завели уголовное дело, годичный плен у врага на Родине оценили десятью годами лагеря. Осенью 1963 года его освободили по амнистии. По возвращению домой, женился на помолвленной девушке по имени Сулукен из соседнего ауыла, Она родила троих джигитов старшего нарекли по просьбе дедушки Дулатом, за ним через два годика на свет появился кучерявый Бауыржан, он носит имя Великого казахского батыра, который защищал в годы войны город Москву, ему дал имя сам отец, третий пацан Касымжан появился на свет в том же году, а девочку Кенже назвала мать, на ней остановилось род Аскара. Это следствие тяжёлой ранении, несчастье случилось под Львовом на заминированном поле, его живот разорвал осколок, врачи много негодного вырезали, но, жизнь было спасено. После года восстановления попросился на передовую, но, проблемы здоровье солдата определил в роту обеспечения, в Польше его отделения оказался в окружение. В родном Каражале не дождался героя, освободившийся устроился работать на станцию стрелочником, где работал покойный отец.

Покойный Рахман появился на свет на четыре года позже Аскара. Он после окончания войны в Германии со своей эскадрильи улетели воевать в Маньчжурию, воздушном бою с японцами пулемётная пуля раздробил тазобедренную кость, был тяжело ранен, домой попал после лечения в конце февраля месяце. Весной он женился года на соседской дочери по имени Фариза, прожили супруги в ожидания ребёнка около десяти лет. Жена устала от язвительного внимание доброжелателей и решила разойтись с мужем.

– Нет! Я тебя не виню, если угодно Всевышнему пусть будет так, мы возьмём кого – ни будь на усыновление. – озвучил свой вердикт Рахман.

Фариза была упряма, добилась развода. Через три года скитании по Республике, работая на стройке в городе Алма-Аты Рахман познакомился со вдовой фронтовика красавице Тумар. После долгого ожидания на свет появился Марат, через год она родила Гульсары, следующим наследником стал Арман. Роженица заразилась в больнице неизвестным вирусом, два года скитании по медицинским учреждениям и разного рода знахарям, она покидает их на вечно.

Новая семья родственников их приняли с радостью, конечно первые месяцы братья тянулись домой. Арман просыпался почти каждую ночь, просыпался и ходил по комнатам полусонным как лунатик, искал своих родителей. Аскар брал к себе в постель, пока дочка занимала с мамой спальню старших. Семья была сплочённой, родители старались не делит на свой – чужой, в доме царил любовь. Иногда родные дети напоминали о своих законных правах, особенно мать семейства одобряла запретное, когда в доме отсутствовал хозяин. Сироты принимали материнскую ласку к своим родном чадом очень ревностно, парю критично. Так продолжалось вплоть до поступления Марата в милицейскую школу, а через год и Арман попал в спортивную школу-интернат за лучшие результаты в классической борьбе. Ещё он там начал посещать кружок рисование. Судьба разбросала братьев в разные стороны, в разные города, когда у них в организме быстро менялся гормональный фон, у обоих над их волей властвовал юношеский максимализм, между ними возрастало отчуждение. Гульсара поступила в педагогический институт в столице, успешно закончив она получила направления в Каракалпакию.

– Зачем ему я? Ведь мы уже давно чужие, мент и зек. Нам нечего делит. Может быть, осталось от отца что-то ценное, а маму он помнит? Наверяд ли. Всё что у нас было, это несколько детских лет, и то, не всё в памяти. По-хорошему, мы не знаем друг друга, жил бы сам по себе, не напоминая о себе. – произнес вслух эти первые мысли, через секунду продолжил про себя. – Ну и что, что мы братья по крови? Не суть важно всё это, главное настоящее, сейчас мы чужие. Марат всё наше детство грезил стать большим начальником, а стал обыкновенным ментом,

сейчас хочет стать «большим братом»? Учился – хорошо! Да. Но как? Думаю, его учили так, как дрессируют служебных собак, их натаскивают чтобы брал след и погоня! Вырос в большого пса, преданно служил хозяину! На сколько я знаю, у них нет понятия и желания как предотвратить преступления. Нет. Без преступников менты будут безработными, как медики без больных. Система! Наверняка он едет по их приказу, на воле уже зреют протесты, эти козлы что – то задумали? Что? Предложит работать на них, на обмен амнистией? Да пошли вы – на херь! Кем себя возомнил? Брат пойдёт на такой шаг? Ещё как пойдёт, ради звёздочек! Это мечта дворового пацана «большие звёзды сверкающими бриллиантами». Трое суток! Слушать вербовку, скорее я ударю его, как в последний раз перед судом. Подумай только, хотел из меня сделать персонального стукача. Хрен ему! Не забыл мой левый хук? Сейчас, побит меня не проблема, вон какой я хилый – одни кости. Помнится мне в игре с улитками ты часто проигрывал? Не знал, как я выбирал пустых раковин, у мертвецов панцири были крепкими.

Что не говори, зов на свиданку очень приятное событие. Наверное, растолстел как большинство ментов? Как говорил Бонапарт Наполеон «война план покажет!». Думаю, тяга к мундиру с детства, чтобы иметь власть, по закону, а не делать справедливость. Знаю, справедливость не сильная сторона моего кровного. Старшие двора, стравливали младших, поэтому мы иногда дрались. Поговорка для таких «бей своих, чтобы чужие боялись». Государство уполномочило вести дела особой важности! Достиг своей цели, какой ценою? Вопрос? Арман такой же, надеюсь, это поймешь. Нет, если бы понимал, не ехал бы сюда, нарушив своё обещания. Что в ответ можешь предложить? Интересно. Конечно, тюрьма меняет всех, кого в хорошую другого в плохую сторону клонит. Ошибаешься Марат, перемены не сломили меня. Предавать свои принципы не собираюсь. Хитрая душонка! – зачем ты здесь?

Глава 3

Чтобы найти верную дорогу, сначала надо заблудиться.

Бернар Вербер.

Начало нового. Солнечные лучи майского утра из-за горизонта бестактно наблюдали за всеми пробуждающимися, а бессознательным вторглись в их интим. Над маленьким аулом, проплывали белые пушистые облака, расположенном вдоль левого берега горной речки, с буйным характером непослушного ребенка под названием Тентек, а на другой стороне – выстроились в ровную шеренгу дачные домики. В самом конце строя красовался большой «генеральский» дом, титулованным аборигенами, в честь – работника высокого чиновника генеральной прокуратуры. Первые лучи раскрыли миллион бутонов в яблоневом саду, проходя через бежевый тюль рассеялись по комнате, свет – несущий тепло проникли отдыхающим отгоняя прохладу.

– Подъём! Подъём! – произнёс приказном тоне, казарменные слова, виновник вчерашнего торжества, получив подтверждение на циферблате командирских часов:

– Пять часов?! – не ожидая ответа внутреннего Я, он утвердительно тоном выразил готовность:

– Отлично! Вовремя.

Раскладной диван для гостей не одарил его хорошим сном, недовольный своим двойным состоянием, протянул руку до верхней полки тумбочки спального гардероба, за будильником. До срабатывания звоняра оставалось ровно 30 минут, Марат, расправив скрученное тело, отключил эту ненавистную функцию, озвучил давно заложенную в голове мысль:

– Надо уйти без шума, пока Сауле и дети не проснулись.

Вчера, поздно ночью уставшая хозяйка чинного дома, бросилась в кухонном халате в детскую кровать, она тут же приняла позу эмбриона, чтобы вместится, ей не хотелось ради пару часов сна оголять себя, да ещё в постели ребенка.

Многие жители полюбили весенний рассвет – дарующий надежду, рождающий жизнь. В свои сорок три года хозяин огромного дома, как ребёнок уповал на чудо. Без сказки жизнь – бессмысленно, просто многие не обращают на неё внимания и не замечают. Человек в состоянии поиска, лишённый последней опоры на будущее, будет пребывать в растерянном духе как наш герой. К сожалению, в последнее время они встречаются часто, их можно узнать по внешним признаками: прежде всего по глазам – в пустом взоре, отстранённый взгляд в никуда, напряжённый сутулостью тело, засунутый в безобразный стиль из костюмов местных швейных фабрик и по шатающему походке.

Недавно, над ним люди «в белом халате» совершили бесправие, погасили свет, погрузив его во тьму, с «особой заботой» высказав ему стандартный смертельный диагноз:

– Вам осталось совсем не много времени, приводите в порядок ваши дела, и советуем, оставшее время – проведите с родными.

Люди любят наблюдать за ночным небом, загадывая свои сокровенные желания при полёте звёзд, лёжа на одноместной железной кровати, посередине сада, есть и те – кто в союзе с любимыми на топчане, утопая в мечтаниях вместе встречают рассвет. Кто-то вчера заснул нагим, под настесь открытыми окнами, отдаваясь в объятия горного воздуха. В воздухе стоял запах свежей скошенной молодой травы, впитавший в себе всю влагу утренней росы. Прохладно. Лишённый любви, быть в гармонии с природой Марат измучен с вопросами к Высшему разуму.

– Обратный отсчёт. Почему я? – с вопросом он ещё раз посмотрел на стрелки, не доверяя зрению и добавил. – теперь я понимаю, что такое время – день, ночь, час, минута и секунда! Люблю этот воздух! Это то состояние, когда ты чувствуешь нутро, как жизнь проникает в тебя.

Ты оживаешь! Не зря говорят «перед смертью, не надышишься!». О-о! Как же быстро крутится стрелка, убегает! Ты не просто крутишься, укорачивая путь к могиле!

Вихрь, смерч, торнадо – это стрелки часов забирающий его жизнь. Вдруг он командирским голосом курсантской школы, грозно крикнул:

– Встать!

После, он быстро слез с дивана и направился в сторону окна, к зову из детства, смотреть на вершину.

Ущелье Каражала, где берет свое начало шумная речка, постепенно наполнялся дымом от ночных костров и туманом идущий от самых низовья, похожий на нежный вуаль застенчивой красавицы примы – балерины, она медленно поднималась вверх, оставляя за собой след грациозной движение, и исчезал на уровне пояса ближайшей горной скалы.

Хозяин, высунув голову через оконный проём, истинный ценитель природы с грустью смиренно произнёс:

– Туман! Душа моей земли. И вы тоже, туда?! Не спешите, не надо, порадуите наши взоры и души. Это мне нужно спешит, это меня выбрали посреди из сотни тысяч больных, из миллиардов здоровых людей. Времени у меня мало, надо мне успеть, обязательно. Надеюсь, силы лекарство хватит доехать до него – всё ему передать, а потом, можно и к вам, а мои дети будут продолжат мой путь.

В жизни все разные, но во сне они похожи друг на друга – как в детстве, хоть им снятся совсем противоположное. Они милые. Дети Ахан и Алан спали с скрестившими ногами на родительском ложе, напоминающие сиамских близнецов. Магнетизм братства в работе. Отец тихо подошел к ним, понюхал их, прикоснулся губой до их лбов, прошептал:

– Будьте здоровы!

Природа щедро одарила здешних мест неопикуемой красотой, одним словом – рай на земле! Приятную утреннюю тишину сонного двора – нарушали лишь только журчания воды, текущие из бесчисленных родников из горных ручей, спешащий к большому каравану реки Чу, разносящий влагу по всему долине – веселье, по бескрайним полям дикорастущей марихуаны. Местная молодёжь любить шутивную фразу «у нас есть два пути в космос – это через Байконур или через долину Чу!».

«Все будем там! А Вы, немного пораньше остальных» эти слова онколога.

– Немного? Почти пол жизни! Твою, мать! Умереть, вместе с ним не так страшно! – последняя фразу Марата произнёс горечью во рту, – надо попить прописанные яды этого лекаря, морфий проколоть, прогнать боль.

Запели соловьи в яблоневом саду и первый голос птичьего хора – старый хозяин большого гареме по кличке Султан ещё дремал, тем самым заложил себе прямой путь в казан. Пройдут каких-то двадцать или тридцать минут – снова сюда явится суета, со своей свитой и будет царствовать до глубокой ночи.

– Прощайте! У вас теперь будет другой хозяин. – это его послание всему живому и неодушевлённым окружению, ныне, звучало загадкой и для самого себя, и он задался вопросом, – другой?

Марат последние годы работал как раб, из всех расследуемых дел он в первую очередь искал себе выгоду, и в большинство случаев выходил «победителем» получив крупные отступные. На все эти средства, он приобретал недвижимость через надежных людей, всё это без лишней огласки оформлял на имя своих родственников и родней со стороны жены. Всё по буквам закона, это конёк хорошего юриста. В этом длинном списке значились все хозяйство в округе: мехток, зернохранилище на пятнадцать тысячи тонн, множественные склады для разных нужд и механический цех с остатками оборудования для ремонта техники. Всё это было собственностью бывшего колхоза имени «Путь Ильича», по сути, это имущество полутора тысяч жителей, только без здания администрации и бухгалтерии, то, было возле районного центра. В сосед-

нем ущелье течёт родниковая вода, в направлении, где расположился заброшенное пайщиками МТФ. Марат выкупил всё, что осталось от фермы, и оставил только одного пайщика, в своё время он заведовал этой фермой, это старший сын Аскара. В будущем, когда выйдет на пенсию, планировал он: выкуп – всех бесхозных земель, и присоединит их к своим имеющимся трёх тысячам гектаров поливной земли. В городе приобрел, здании бывшего профтехучилища с общежитием на шестьсот человек, находящийся в «золотом квадрате». Огражденной территории с чугунным забором имела госакт на землю 2 гектара. Самое значимое в этом списке, был завод по производству минеральных удобрений, где стал главным акционером его шурин Санжар, а часть акции нефтяной отрасли, оформил на троюродных братьев на Есена и Досана.

«На верху, продают Родину за гроши, государственные служащие в больших кабинетах и слуги народа, отнимают самое ценное будущее у людей. Все деньги от продажи они переводят в офшоры, эти средства работают на благо другой страны. Они предают достояние наших предков. Я Робин Гуд, моя работа ловить их, наказывать по-своему, заставляю «предателей» откатывать большие деньги, а на них покупаю всё что могу, в надежде, что когда-то они принесут пользу моим землякам. Судьям, доверии нет. Так работает система! Последний крупный улов, по расследованию таможенного дела, оставляю для своей семьи» такими мыслями усыпил совесть.

Последний улов со следами крови, не требующий особого ухода, обеспечит его потомства до седьмого колена. В первые годы службы, и в мыслях не мог допустить нарушения закона и противоправных действия против своих коллег. Громадные масштабы коррупции поражали его видение о построения справедливого государства. Как сказал известный политик «Конституция стало черновиком президента!». Система со своей вертикалью, начало гнить как рыба. Президент погряз в клановой борьбе, обогащая своих, он набирает в команду чиновников, засветивших казнокрадством, и держит их в ежовых рукавицах. Годы берут своё, единоличное правления государством обречено провалом, где все управленцы безответственные временщики. В общество за долго кончины первого лица, начиналось партизанская война за власть. Деньги решали всё, оставалось только их приумножить. В продаже у госорганов появились вакансии от уборщицы средней школы и до министерских постов.

У него было много доказанных уголовных дел, коррупционеров высшего звена, члены правительства и особо приближённые к семье. Слово «Семья» в настоящее время по-другому трактуется, это слово приватизирован царствующим кланом. Часто случалось так, что преступников, относящихся по родословному принадлежности к номеру 01, отпускали прямо из зала суда, это наглядная демонстрация беззакония и сверх наглой продажности судебной власти. Вместо них, тюрьмы заполняли граждане протестного настроения, требующих справедливости по закону. Борьба Марата с коррупцией всё больше напоминал сражения Дон Кихота с ветряными мельницами. Со временем, ему пришло другое понимание о справедливости. Своё.

Сейчас, он прощался со своим домом – пока все спали, по собственному секретному плану, чтобы избежать слезливых прощальных сцен, как бывает в турецких сериалах. Мыльные оперы он возненавидел, ещё со времён трансляции «Рабыня Изауры». Порой они с женой жарко спорили на тему, увидев наивность сценариста на экране.

– Ты так переживаешь за этих персонажей, хотя отлично знаешь, что их выдумали ради этих слёз. Ну хватит уже этой драмы. – обращаясь к жене в присущем ему строгости, и ещё напомнил ей жестом пишущего человека, о планах – написание книги. Иногда был вспыльчив в таких мелочах и суров, но, всякий раз увидев искренность на лице любимой, уступал ей, и с поражением удалялся в свой кабинет с укором «одним словом – женщина!».

В этой комнате он создал свой рай, всё что о чем грезил с детства, мечты были осуществлены в этом крыле собственного дома. Большое кресло, похожий на трон королей, с высокой спинкой, достигающий стоящий склонившей головы супруги, красовался на против входа. На макушке этой мебели была нарезная конструкция, напоминающая корону, а по бокам семи-

гранные острые пики, окрашено золотистой краской, перед ним большой стол с натянутым зеленым драпом, на полу постелено дорогой персидский ковер с высоченным ворсом, поднимающийся многочисленные упругие ворсинки придавали силы улечиваться робким следам от ступней гостей. Редкое чудесное явление свойственно ценным коврам, напоминающий эффект исчезающих волн на берегу. Над головой висит огромная люстра, хрустальная лилия с золотыми лепестками окрашивал нежным желтоватым светом это помещение.

Возможно, кому-то в этом месте захочется сказать:

– Фу! Безвкусица!

Многие посетители необыкновенного места не разделять эту брюзгу, увидев библиотеку! Хранители тайн – книги, их бесчисленное количество разных жанров расположились вместо настенных ковров, дорогих картин, сотни тома мировых литературных шедевров занимали место шёлковых обоев. С первых шагов вы почувствуете легкое давление стен из тысячи книг, словно кто-то незаметно вас обволакивает. Это мистическое чувство, иногда ощущают книголюбы, когда посещают читальные залы.

В углу стоял один из двух сейфов, первый для сохранности документов, наличных денег, драгоценности и охотного ружья, там же у него хранилось табельный пистолет ПМ, а второй бронированный хранилище советского производства, с огнеупорной камерой, двухсекционный, метровый высоты, находился в цокольном этаже намертво приваренной к железной полоске на бетонной стене, в нём лежали для отвода глаз разное рухлядь и разобранные электроинструменты. Полки наполненный хламом не задерживали внимание чужаков. Если приглядеться дотошным экспертным глазом, в глубину, где задняя стенка «железного замка» являлось завуалированным входом в потайную комнату. Правда, проём покажется очень маленьким, но, человек на коленках без труда попадёт вовнутрь.

– Моих тайн никто не узнает. – растопырив ладони хлопнул следопыт.

Сегодня, наш книголюб с грустью покидал мир знания и магии, именно здесь читая много литературы, он проникал в чужую культуру и понимал незнакомых. Факт прощания вызвал в душе печаль, а в голове зародилась мысль «до полного несчастья – не хватает только расстройств родных». Прошлым вечером, когда гости расходились, Марат заметил проблески в её глазах, это были слёзы без плача, отнюдь не радости, скорее это капли скорби, тогда и решил, что уйдёт без слов, тихо, исчезнет.

– Чтобы разгадать мою тайну, надо прочитать всю мою библиотеку! – озвучив эту подсказку, Марат вспомнил образ приемника и выразил свою признательность авторам этих произведений.

Вчерашнее веселье – в честь отъезда Марата в курорт, началось для домочадцев ещё неделю назад. Генеральная уборка дома и двора, местами побелка и покраска, как обычно делается в этих краях. Торжественная часть длилось около четырёх часов, потом гости начали расходиться, первыми ушли трезвенники и один веган, после покинули весёлую компанию – гости аула, последними были соседи. После полуночи, хозяйка была занята уборкой и только потом пошла отдыхать. Спальню супруг заняли сыновья – трехлетний с небольшим плюсом старший и на год младше брат. Ей пришлось идти в детскую, подошла к кровати старшего сына и упала как подкошенная, такое падения человека сродни только что потерявший сознание. Да, так и было, через несколько секунд она полностью отключилась от внешнего мира.

Гостей было немного, только близкие друзья и родственники, человек – двадцать. Как полагается у кочевников перед перекочевкой люди в благодарность земле и природе, зарезали барана, накрывали большой дастархан и просили благословения у Всевышнего. Вчера всё происходило согласно степного закона, и лишь с одним отличием – никто никуда не переезжал, уезжал только один человек, это наш герой.

Марат, считающий себя городским современным интеллигентом человеком, живущий здесь круглый год как дачник-садовод, чтит все религиозные и национальные традиции. При-

думал план по-своему, справедливый. Сочинил легенду про свое лечение в городе Алушта, что на берегу Чёрного море. Фактом было то, что он купил билет, но в другом направлении, только в одну сторону, и, тем самым освободил себя от надежды на возвращения. Впереди его ждала – целая вечность или правильнее будет сказано – неизвестность!

Это был один из его главных тайн, повторяя слова Мюллере про себя из любимого кинофильма «Семнадцать мгновений весны», «что знают двое – узнает свинья», от себя он добавил фразу «то, что знает один – узнает могила», напоминая себе о важности этой истории. Последняя ночь в родном доме выдался на удивление тихим, были слышны лишь приятный шелест бесчисленных листьев, молодых тополей окружающий дом с солнечной стороны. Только старый высохший дубовый паркет – ужасно предательский скрипел, раздражая его слух при каждом шаге. Как вор – домушник Марат ходил в собственном доме на цыпочках, ахиллово сухожилие хозяина натягивалась как трос, оглядываясь по сторонам, раздражённой от чувства вины перешагнул порог.

– Я так понимаю, это намёк, на то, что я отпускал многих олигархов и голубых китов или за кровь? – с досадой спросил у великого невидимки.

На крылечко, он вспомнил годы работы в уголовном розыске, вспомнил и лиц ныне занимающие высокие посты, направил взор к небу добавил:

– Издержки профессии!

С потерей надежды на выздоровление, он искал ответ на вопрос «Почему Я?». Он был агностиком до своего диагноза, только потом, когда страх полностью овладел его разумом, уверовал от безысходности. Как говорил Михаил Задорнов «В падающем самолёте – нет атеистов». Принимая ислам, он ожидал чудо! Сейчас, обращённый каждую свободную минуту, молился к недавнему незнакомцу по имени Аллах. Ровно сто дней тому назад, впервые взял в руки Коран, подарок имама местной мечети, с намерением получит знание о духовности, хотел получить ответы на вопросы «Что будет после смерти? Простят ли мне мои грехи? Что будет с моей душой?». Он раньше читал священную книгу, только без гусула, по требованию начальство, чтобы быть на одной волне и взять под контроль реакционных поклонников ислама. Сегодня, его подход отличался от первой практики, сейчас Коран читал на казахском языке переведённого с оригинала, с особым вниманием. При наставничестве местной муллы, наизусть выучил суру Фатиха на арабском. Являясь главным анонимным спонсором в строительстве сельской мечети, иногда посещал пятничный намаз. За прошедших последних трех месяцев, улучшение здоровье не было, наоборот, стало хуже. В тяжёлые моменты в обращении к Всевышнему, больной переходил с ним на «Ты» со словами:

– Молю тебя Аллах, одари меня добрым здоровьем! – вставая на одном полусогнутом колене, – вот он Я, грешник умирающий, ещё непокорный, и не покаявшийся в своих грехах, Я стараюсь. Я твоё плохое творение! Прошу... облегчи мое существование.

Чья-то фраза записался в список крылатых, и часто просилось в мир, их там много, вот как сейчас, он в очередной раз отпускал эти слова на свободу:

– Жизнь, несправедливая штука!

Он знал точно, что никто из сочувствующих не понимал полной меры его трагедии. Никто из них не знал истинную натуру Марата, даже любимая жена, в свою очередь, он тоже не знаком с её секретами. По большому счету, они плохо знали друг друга. Так бывает, и часто. Муж «женат на работе», он вёл засекреченных дела совместно с комитетом безопасности республики, заметно отделявших их. В начале было типично как у всех, любовь с первого взгляда и через месяц свадьба! После рождения первенца жена умилилась, что «он без ума от своей семьи!».

Да что там говорит о других, иной раз он сам себя не узнавал, вспоминая про свои допущенные ошибки и игнорирование святых принципов. Переходил черту нравственности и границ правового поля. Первые годы службы как все молодые специалисты, и Марат был истин-

ным патриотом страны, работал честно, радея за справедливость, главное – законно. Но, в последние годы его работа была настолько засекречена, что он сам не понимал куда поведут эти нити. Сегодня если, прочитав записи ангелов, то на левой стороне лежали бы целые тома книг обвинительными текстами, по сравнению с другой стороной с тоненькими брошюрками похожий на детскую литературу.

– Я толком и не жил, только служил! Все мои грехи благодаря моему мундиру, и золотым звездочкам на плече. Наверняка, шайтан празднует победу. Будь проклята эта служба! Прошу тебя, кто бы ты не был, дайте мне увидится с ним.

Если, убрать от жизни всю грязь, ежедневное перевоплощение с одного образа на другой, то в чистоте останется совсем ничего – это детство Марата и приемная семья. Эту часть его жизни поймут только сироты, кто пережил или живет такой жизнью. Никто, никакими словами не объяснит вам, чувствующие непередаваемое горе, растущих без родителей. Видимо поэтому, наш мир наполняется большим количеством сирот. Многие из них, даже не знакомы с нормальной семейной жизнью, им не с чем их сравнить. У них одно неизменное чувство, когда встаёт вопрос о родителях, что им становится очень дурно, а другим безразлично! Сиротами не рождаются, сиротами становятся.

Проведенной время Марата в кругу семьи дяди тоже не много. После всего этого, его нормальная жизнь сокращается во времени многократно. Стены больницы дали чётко понять, что осталось жить совсем ничего.

– Кто виноват, что я такой, мои руки по локоть в крови, в душе скверно и неизлечимо болен? – задаваясь этими вопросами, он не отвергал приходящие незнакомого автора с ответом «сам, во всём виноват!». Это не его внутренний голос, слова чужого, мысли другого.

Прошлое его поразила болезнью, в будущее ещё в будущем, а настоящее время, ему напоминало таяние ледяной острой сосульки на своей ладони. Красивый – хрусталь, быстро испарялось, превращалось в неудержимую холодную жидкость, передавая всю пронизывающую мерзлоту в большое тело, бесцельно текущие тонкой струей ударялись об асфальт. Марат тяжело переносил такое резкое перемены настроения, не принимал вызова смерти и боролся как мог – успокаивал, настраивал себя на другую волну. Внутри шла война, враг пробил броню защиты. Врачи всего мира не могут понять природу этой болезни, где и когда зародилась это зло? Точного ответа – нет, есть намеки, работы разных экспериментаторов, ничего конкретного. После общения с разными врачами он в будущем себя не находил, его завтра наступал уже сегодня.

– Может быть это последствия лекарств? Кто знает, когда за мной придет старуха с косой? Знать бы... – обращаясь к себе как незнакомцу.

Вот только что – несколько секунд назад он выглядел внешне очень спокойным. Наслаждался восходом, восхищался родной природой! Его военная выправка подтверждает твёрдости его духа, внешне это всегда было заметно в стиле его одежды. Но, как показывает последнее время, этому образу его прикид имеет совсем малое отношения. Сегодня он одет в классику – чёрные брюки заострёнными строгими линиями, плотно заправленная под них клетчатой рубашкой, опоясанным крепко затянутым кожаным ремнём, выглядел представителем интеллигенции средних лет. Всё это плоды милицейской школы и долгая практика в прокуратуре. Таким он был буквально перед выходом на улицу, а там на тротуаре Марат словно попал в незримый вакуум, он ощутил не хватку воздуха.

Кругом ни души, и его накрыло чувством жалости к себе, еле держась на ногах и завис на калитке. Голова раскалывалась от боли. Находясь несколько минут в полном одиночестве, Марат, жадно вдыхая прохладный воздух кое-как привёл себя в порядок. Первое, что пришло ему на ум «побежать обратно домой и обнять всех, поцеловать их, прижав к груди детей, любимую».

– Нет. Нельзя мне здесь умирать. Это только слабость, надо быть верным своим словам и следовать составленного плана, а то не доеду до него. Главное, теперь план! – с этими словами он отрубил могучую тягу тянувший назад.

Мысль, что встретит кого-то улице улетучилось как мираж. Ни одной живой души вокруг. Посреди дороги лежал вдоволь сытый вчерашними остатками пиршества соседская старый дворняга, подметая хвостом асфальт поприветствовал лишенный сна путника.

– Ну что Алапар, проводишь дружка? – в ответ охранник только лишь поднял голову, проскулил ему в лицо.

Ночью, все бодрствующие слышали, как дворняга тихо жалобно скулил, вселяя вокруг тоску.

– Жаль, не понимаю твоего языка, но, знаю, что ночью нам с тобой было плохо. Хоть, для приличия, встал бы на ножки, старый. Боль не даёт? Не вставай... и правильно, только хозяина надо слушаться. До встречи! Может быть, на том свете свидимся?

Карие глаза нашего героя под редееющими бровями постепенно увлажнились, одна слезинка, немного повисев на его еле заметных ресницах упала на стекло золотой оправы «хамелеон», висячего на его шее. Лёгкий блуждающий по улице ветерок подул ему в лицо и немного поласкал его лысеющую голову. Внутри словно зажглась огонь, прожигая всё. Он прокашлял всю жидкость, пока сухость не возникло. Горная прохлада немного приободрило Марата, он поднял голову и увидев в темно-голубом небе озаряющий рыжеватый свет, неожиданно восторженно крикнул.

– Какая величественная красота! – эти слова восторга он адресовал к непокоренным горным вершинам, к своей давней не сбывшей детской мечте «покорителя горных вершин», затем он обратился к себе, снял с языка слова продиктованный внутренним голосом, – хватить ныть, сопли жевать, всю жизнь дрожал от трусости, наберись мужества, хватит уже бояться всего, всё уже в прошлом.

Нагрузив на плечо походную сумку, он потащил чемодан на колесиках. Через пятьсот шагов еле добрался до автобусной остановки, спустя 40 минут на рейсовом транспорте доехал до вокзала. Прошло ещё полчаса, и оживился перрон. Время для него летит со скоростью света, в миг оказался в купе.

– Здравствуйте! Моё нижнее место. У вас четвёртое? Вот мой билет девятый купейный, – кинула билет на столик женщина сорока лет.

– Третья! Здравствуйте, билеты покажите кондуктору или проводнику. Мне то зачем? – доставая свой проездной, закрыл рот платочком.

– Вы заняли моё место, поэтому смотрите повнимательней. Мне сейчас принесут сумки. – высунула голову в коридор и позвала носильщика, – ей, тащи сюда во второй купе.

– Женщина у вас шестое, мы соседи до утра. – удостоверив билет профессиональным взглядом поддержал разговор.

– Ой! Извиняюсь, тут матрас застелен, вот и подумала, я всё время тороплюсь, не знаю куда меня это приведёт?

– Да всё нормально! Куда едем?

– К сыну.

– Внуки обрадуется, очень приятное дело. В гости детям и внукам ходит большое счастье.

– Нет, я еду на свиданку.

– Извиняюсь, и я туда же. В тридцатку? К брату.

– У меня краткосрочные свидания, по часовой, суточный уже был.

– Понятно. Вы располагаетесь я выйду.

В коридоре стояли по краям два мужика в конце и в середине, в ожидании располагающих пассажиров. Марат подпёр лбом прохладное стекло вагонного окна и ушёл в прошлый мир.

Под стук колёс поезда в его памяти пробуждались разные воспоминания. Они простукивали все его следы, оставленные в прошлом. Не всегда они были видны, где-то терялись, где-то плутали, где-то снова появлялись и только ему одному доподлинно известны все извилины, крутые повороты, остановки и скорость их движение. Сейчас, он жадно вспоминал всё – где и когда? С кем и как? Не пропуская все важные события в прошлом, он глубоко погрузился в свою историю, будто хотел написать автобиографическую роман и заново проживал эти дни продлевая себе жизнь? Казалось бы, «всё как у всех, ничего сверхъестественного в жизни не было» позабыв о последней наживы. Единственное отличие от многих, было обман – окрашенным алым цветом! Долгое время кормил себя ложью, прикидываясь дальтоником, что сейчас бесчисленная сказанная не правда – казалось ему истиной. Возможно, его мозг защищал от лишних стрессов и от мучения совести.

– Истина никому не нужна! – обращаясь к себе.

За многие годы службы появилось привыкание к лжи, он приобрёл безнравственную зависимость. Государственная система работает с изъёмом, называемой – двойные стандарты. Последние годы его служебная деятельность строилось на скелете в шкафу.

Позади тянулись тысячи километров разных дорог, они похоже на размотанных судьбой клубок разноцветных нитей. Одни были чёрного покрытие, других и дорогой назвать грешно, только одно название, кроме железной дороги. Стальная дорога! Названия пугающая, а на самом деле – самая безопасная и комфортабельная вид передвижения. Такую статистику он получил, когда занимался расследованием дело в составе госкомиссии по выявлению коррупции в управление железной дороги. Все это было в прошлом, а впереди оставалась последняя несколько сотня километров его жизненный пути и конечная остановка, узловая станция Яны.

– Заходите! Я пошла за кипятком, вы будете чай?

– Нет, спасибо!

Поезд тронулся, приятный запах травяного чая заваренной в купе, разносился сквозняком по вагону. Попутчица начала рассказывать о себе и своей судьбе. От их знакомства осталось целая история криминального романа.

На станции дежурный объявил по громкой связи о пребывании пассажирского состава и дал приказ составителям освободить первый путь у перрона для прибытия поезда. Четвёртый вагон, на котором ехали наши пассажиры был в хвостовой части, проводник заранее предупредил о выходе. Марат не спеша вышел в коридор, с трудом вытащил из купе свой багаж и попросил молодого парня, второго проводника о помощи.

– Наконец-то доехали! Спасибо! Удачи Вам! Вас забрать до тридцатки? Я возьму такси. – заботливо обращаясь к соседке.

– Благодарю! Мне ещё совсем рано, пока побуду на станции. Счастливого вам пути! Скорейшего освобождении!

– Взаимно! Спасибо!

Почти сутки стучали стальные колёса в ушах, ему вздремнуть удалось только лишь перед самым выходом. Во сне, очередной раз он видел, глаза волка светящимися красным цветом. Тотемного животного, ещё волчонком посадили его на цепь, после съеденного курицу – несущку. Питания собачья, скудный, только зимой лакомился дохлыми ягнятами, ежедневно объедками со стола. Мальчишкой за Маратом был грешок, он много раз дразнил серого хищника, чтобы увидит, услышать вблизи злое резонансное рычание порождающий страх быть съеденным. Напротив, Арман всю свободное время он посвящал играм с Арланом, удивительное зрелище, симбиоз врагов, зверь больше никого живого не подпускал. Чем провинился перед нами родственник опекуна Маугли, охотник гор и степи? Марат уже этого никогда не узнает. В памяти больного занимали много место покрасневшие глаза и вой Арлана.

На лице грустного путника появились свежие морщины. Правда после посещения туалета, некоторые глубокие линии на лбу немного сгладились, убрав следы последних лет.

- Дядя, вам такси? – прозвучал за спиной мужской голос.
- До тридцатки! Отвезёшь?
- Штука будет!
- Поехали.
- Дайте сумки я понесу.
- Удачи Вам! Спасибо! – прощаясь пожал руку проводника.
- И вам того же, всех благ!

Коренастый парень лет тридцати шустро загрузил себя чужим барахлом и косолапой походкой торопливо потопал в сторону автостоянки. Пока Марат сравнивал свои давние ощущения с нынешними, таксист уже сидел за рулем.

- Дядя, поедем? – крикнул извозчик.
- Да, да.

– Я думаю, что туда ехать ещё рановато, зря на улице будете стоять, сегодня немного прохладно и вы не одеты по погоде.

- Ну, что делать? Придется постоять.

– Лучше будет, если, по дороге заехать в кафе и позавтракать. А там всё рядом и время подойдёт незаметно, не помешало и мне покушать, в животе пусто, а мне ещё надо на работу, это уже потом – как вас отвезу.

- Хорошая идея. Давай, тогда едем в кафе. А где работаешь?
- В охране.
- Значит, дополнительно извозом зарабатываешь?
- Наоборот.
- Интересно?

– Там мало платят, и много требуют. Здесь сам себе начальник, в общем на жизнь хватает. Дома есть маленькое хозяйство, без этого пропадём. Я один из трехсоттысячной армии таксистов Казахстана. Для большинства эта работа является подработкой.

– Да, так много? Целая страна! Представь, что почти все жители страны львов Исландии таксуют! Ужас! А раньше, где работал?

– Согласен, что ужас! Я раньше работал в скорой карете, водителем. Сократили. Сейчас же это частное хозяйство! Теперь там только своих берут, вот так я за бортом оказался, а так стаж десять лет, говорю же стаж не важно им, главное – я чужой!

- Только родственники что ли?

– Ну... или через хорошего знакомого, есть и такие люди – нужный человек! Вы с востока приехали да?

- А что? – задавая вопрос хотел озвучит мысль хотел, но кашель помешал.

- Может горячего? Нее просто, у вас говор не местный.

- Спасибо. Сильно заметно?

- Я второй год на извозе, общаясь многими людьми, стал различать кто откуда.

Через десять минут езды старенький Audi 100 остановился прямо перед входом кафе под названием «Султан».

– Султан? Не слишком громкое названия, для этих мест? – с уточнением спросил водителя. Знал он одного такого, не соответствующему этого титула.

– Да Султан! Мы сами иногда путаем, до того недавнего шквального ветра, кафе носил имя президента. Но, ураган унёс трёх букв – Нур, может и не ветер вовсе, кто знает? Вот так Султан получился! – ехидно заулыбался.

- Ну в этом нет вины хозяина кафе, к чему эти приколы?

– Не знаю на счёт вины, знаю точно, что это его имя сына хозяина зоны! У нас, после этого случая поползли слухи, что скоро рухнет всё. – указывая большим пальцем через плечо на высокий забор зоны.

– Мда... Всё возможно. Один инвестор с мировым именем, вкладывает свои деньги в ту или иную страну, после долгой езды с местными таксистами. Вы знаете много – чего! Да, везде его имя. Согласен. Надеюсь, здесь кормят нормально? – спросил с возмущением, и следом добавил последнюю фразу, чтобы разрядит обстановку, – говорят, что в США общественный туалет открыли с его именем. Правда или слухи?

– Не знаю. Да, здесь кормят хорошо, если вы сильно голодны.

– Понял! – хе-хе.

– Ладно, если, только имя! Многие копируют его стиль жизни, мораль, а таких миллионы.

– А вы?

– И я в том числе, получается.

– Почему так получается?

– Раз не против значит, за! Также?

– Не знаю, я лично никогда не фанател, такой у меня характер.

– Тебе повезло, с характером.

– Может быть.

Таксист позавтракал за двоих, слопал две порции яичницу со сосисками, Марат не стал кушать в такую рань, да и аппетит куда-то пропал, только попил кофе три в одном. Шустрый водила предложил свои услуги в любое время и дал понять, что имеет хорошие полезные связи с этим объектом.

– Большое спасибо! Надо будет ваша помощь наберу вас. Продиктуйте номер телефона.

Марат записал номер таксиста, а вместо имени не смог написать ничего, так как он не познакомился с ним. Через минуту в телефонный книжке появился запись «хороший человек».

– Удачи вам! Вы хороший человек!

– Спасибо! Вам того же, и чтобы ваш знакомый скорее вышел на свободу! Звоните, если что, мы ещё не познакомились, меня зовут – Оспан. Я пойду, а то опоздаю.

– Меня Марат. Ну, будь здоров! На возьми! За завтрак я сам заплачу. У меня к тебе есть просьба. Я оставит тебе на хранение?

– Много?

– Десять тысяч долларов.

– Ух ты! Я столько и не видел, даже не знаю, может они фальшивые?

– Ну ты скажешь тоже, стал бы я ходит с фальшивыми деньгами и предлагать незнакомому.

– Всякое бывает, на сколько дней и сколько хотите заплатит?

– Пятьсот зелёных, думаю нормально?

– Да нормально.

– Кто придёт за деньгами точно сказать не могу, кто бы не был он будет скажет «я пришёл забрать книгу Марата Алановича» отдашь ему, и всё.

– За это я туда не попаду?

– Нет конечно, это просто деньги, которую туда не пропустят, если увидят, если найдут захотят содрать по больше, чем ты можешь заработать. Понимаешь?

– Понятно. Хорошо я согласен, деньги нужны.

– Вот и славно! Вот можешь пересчитать, целая пачка прямым из банка, новые.

– Что там считать, если они запечатанные?

– Как хочешь, но лучше пересчитать.

– Ладно, давайте.

Минуту спустя, он набрал по телефону абонента по имени «Любимая».

Глава 4

Я знаю мир: в нём вор сидит на воре.
Мудрец всегда проигрывает в споре, с глупцом.
Бесчестный – честно стыдит.
А капля счастья тонет в море горя...
Омар Хаям.

Оспан скрылся в пыли от старого AUDI100, оставив растеренного пассажира перед входом КПП. В этот раз Марат зашёл в здание ИТК с повисшей головой, в его уши залетали прерывистые тревожные свисты сирены и приближающие рычание злого пса, готовый разорвать любого гостя. Одной рукой он держался за ремень своей сумки, а вторая просто безжизненно болталась, в ожидание команды о предъявлении пропуска. Лицо прячущий боязнь, находился под опущенной головой, вместо носа он выставил недавно образовавшую лысину, бормотал что-то из-под лба изредка глазели прищуренные ока:

– Главное не закашливаться.

Час назад он выглядел более уверенным, сейчас он размяк. Это не игра актёра, не очередная маска, коими качествами он овладел во время службы для показа критикующих его командиров, а его нынешнее состояние – самое дурное самочувствия. Как опытный следователь он знал, что всё это смахивает на поведения виновного человека, который готов ко всякому повиновению. Здесь, ему лишнее внимание ни к чему, нестандартный интерес к его персоне может навредить его плану – главному и последнему цели жизни. Страх паразитировал до последней клеточки тело больного, загоняя его здравый смысл в тупик, но, не всё же он не хотел подчиниться приказу главного инстинкта, слишком многое стоит на кону! Осознавая, что живым отсюда ему уже не выйти, если, не случится какое-то чудо, и болезнь отойдёт. В это, он верил меньше всего, как не странно, на этот счастливый случай – у него не было никаких планов.

– Война план покажет! – проговаривал про себя эти решительные слова Наполеона Бонапарта.

Ещё в «свободной» части здания в его движение замечалось легкое пошатывание, будто марафонец из последних сил перешагивал финишную черту. Долгая дорога физический расшатало его напичканное обезболивающими уколами уставшего тело, в добавок эти неприветливые заборы с колючей короной, решетчатые двери и окна – пленили его дух.

Пропустим скучное с описание этого серого здания, не имеющий никакой архитектурной ценности, коих в этой части света не счесть.

Последний раз Марат был в этих краях давно и то в командировке, уполномоченный по особо важному делу генеральной прокуратуры. Тогда двадцатипятилетний помощник старшего следователя, падающий надежду, холостой парень спортивного телосложения, свойственным ему нарциссизма хорохорился среди этой серости. Впрочем, как и все будущие прокуроры. В тот день, он был одет как говорят «с иголки», в чёрно белое; белый верх – тёмный низ. Лишь с одним довольно заметным отличием он выделялся среди всех прочих – возрастом. Большие командирские часы на чёрных кожаных ремешках на левом запястье, придавали больше важности его статусу, он спешил стать победителем, ему ещё предстояло заполнять с признаниями. Туфли внушительным каблуком от итальянских мастеров ещё выше подняли его молодое эго. Кожаные пары, первым делом, направились напрямиком к ШИЗО, и он прошёл этот короткий путь как звезда киноэкрана, идущий по красной дорожке для получение заветной статуэтки. В тот момент он безмерно был горд тем, что ему доверили самое громкое дело в республике. Еще бы! Нашумевшее на всю страну дело мафии на таможне. Здесь, его полномочие были без всяких ограничений – он мог вызвать на допрос каждого сидельца этого

учреждения, но он ограничился только двумя осуждёнными. Один из них получил срок по делу Хоргос, крупная контрабанда на таможенном посту с Китаем, а другой за участие в убийстве известного в республике предпринимателя. Оба преступника получили по двенадцать лет строго режима, строгаца и сами изъявили желание о сотрудничестве в обмен на послабление режима и помощи на УДО. Причиной второго визита, стало расследования по вновь открывшимся обстоятельствам за заказное убийства. Именно сюда – в знаменитую тридцатку ИТК-125/30 этапом привозили многих авторитетов преступного мира. «Тридцатка» находился в промзоне, это к югу ближе с горному хребту Каратау, не далеко от объездной трассы небольшого городка химиков. Зона получила всеобщее внимания общества после дерзкого побега семи отъявленных преступников членов ОПГ «Братья Азии», в прессе писали, что им помогло осуществить побег некоторые сотрудники администрации. Это уже совсем другая история, о нем мы возможно узнаем, когда поймают главу банды, остальные шесть человек были ликвидированы в ходе задержания.

С тех пор прошло много времени. Марат заметно возмужал, а в душе стал противоречивым. От того молодого человека неизменно остались только его глаза, от тело когда-то выдававший военную выправку, ни осталось ни следа, одним словом – рухлядь в обновке. Время меняет многих, только мертвецы остаются такими какими мы их помним. И те лица, которых он допрашивал здесь, они тоже изменились, оба недавно покинули это учреждение, первым по УДО (условно досрочное освобождение), другому поменяли режим за примерное поведения, последний досиживает свой остаток срока в колонии поселении. Их участь облегчил Марат Рахманов, следователь с псевдонимом «Лютый». Сегодня не узнать того лютого особиста, скорее он походил на мудреца, эдакого интеллигента очкарика средних лет, являющим членом какого ни будь творческого общества или книжного крота в центральной библиотеке.

Марат мгновенно отозвался на просьбу часового КПП с вытянутым туловищем, поднял подбородок на уровень носа, когда тот его попросил:

– Здравствуйте! Марат Аланович Рахманов? Посмотрите на меня... – по приветствовал как требует устав и приказ начкаря. Молодой парень лет восемнадцати-девятнадцати внимательно смотрел на документы и задал ещё вопросы, – на свидание? У вас есть при себе или в сумках запрещённые предметы? Оружие? Колюще-режущие? Спиртное? Наркотики?

– Здравие желаю! Никак нет! – как служивый ответил, в уставной форме, смиренно продолжил, – не имею ничего запрещённого, только продукты питания и всё! и стал ждать дальнейшего диалога. Так было всякий раз, когда он слышал командные голоса, это было годами вбитая ему привычкой.

– Ну что же, тогда, подождите, я вызову контролера... он сейчас подойдёт, так, документы будут у меня, в ячейке. – продолжил солдат, незаметно переходя на гражданскую тональность, взял трубку телефона, набрав всего три цифры сказал, – к вам гости!

Несколько минут ожидания для Марата превратились в мучение с колючими болевыми ощущениями в сердце. Каждую спешащую секунду, он ощущал с ритмом своего сердца. Вдруг, перед его глазами всё заплыло, в этой сгустке темнеющих красок, он заметил замедление движение губ часового, ощутил тепло в своей груди, его затошнило, затем всё вокруг завертелось. В этой круговерти его пронзил ослепительный яркий луч, отчего он перед увидел только яркий свет огромного прожектора, затем потемнело, будто отключили рубильник. Сквозь этого шума в ушах, ему еле доносились вопросы:

– Ва-а-а-а-м-м-м пл-о-о-о-хо-о-о? Дер-р-р-ж-и-и-и-тес-с-с-сь, мо-о-о-ж-е-е-т вра-а-а-ча-а-а?

Бдительный часовой с тревогой смотрел в непрерывно моргающие глаза и ждал ответа.

– О! Нет. Все нормально! Наверное, это проклятое моё давления... – ответил, приложив в эти слова всю силу убеждения.

– Ну да бывает. Может быть воды?

Ему бы холодная вода здорово помогло бы, но здравый смысл в сознании твердил «нет нельзя, ни воды, ни врача, без лишней внимании, это всё испортить».

– Спасибо! Мне лучше, лучше. Это просто усталость. А чем здесь воняет? Я чуть было не заблевал. – уводя себя от ненужных вопросов. Как всякий следователь он не любил, когда на него давили его же способом.

– Только что перед вами безконвойникам завтрак пронесли, они посменно работают на другом объекте.

– Мда. Завтрак значит, это каша так пахнет?

– Да каша, обычная, овсяная. – улыбнулся солдат.

– Овсяная?

– Нас тоже такой кашей кормят, но я не ем, что я лошадь что ли?

Марат прислонился спиной к стене, скорчив лицо, закрывая ладонью нос прятал немощное состояние. Незаметно для чужого глаза – затряслись его колени, прямо над линии охраны, между металлическими решётчатыми дверями с надписью «Вход», «Выход» и с табличками «строго по пропускам».

Через шаг – дверь с надписью «Выход» для него захлопнется на всегда! Бывший прокурор попадёт в совсем другой мир, безусловно его ждёт другая жизнь. Такое случается, когда входите в знакомую помещение в кромешной темноте, знаете, что где стоит, что где лежит, но, вы в полной растерянности, ищите нужную вещь, а нащупали только пустые полки. В это время, вы можете на ровном месте споткнуться об стенку и ударится, получит травму об любого раскиданным предметом по полу.

По приданиям древнего Рима такое место прохождение, является владением бога Януса! Марат прочитал об этой мифологии и так увлёкся, что даже мечтал увидит своими глазами одноименную арку и храм в Италии. Янус – двуликий бог дверей, входов, выходов, проходов, начала и конца. Но, а после падения Римской империи «двуликий Янус» превратился в «символ двуличности». Иногда, ещё до болезни Марат замечал в себе черты этого божество, частенько он становился другим, а сейчас, ему теперь предстоит полностью воплотится в образ этого божества и оставаться в нём до самой смерти. Помните скульптуру головы человека без тыльной части, вместо этого второе лицо чужого человека! Да! Это тот самый бог Янус. Что-то захватывающий дух в этом есть, и места такие имеют свою мистическую ауру.

И ещё, этот маленький проход, напомнил ему железную клетку по перевозке хищный зверей, загнанные в плотное пространства, животные чувствовали опасность в качающем кузове. Метясь по клетке рыча показывая зловещий оскал, демонстрировали защитную реакцию. А человек разумное существо, у него всё по-другому. Он понял в эту минуту, что человек хуже зверя, может нанести телесную или ещё хуже, нанести неизлечимую душевную рану, чего не могут другие твари.

В голове Марата всё ещё бушевал шторм, болезненный удар молнией делит мысли пополам. Быть может, именно в этом месте бог Янус, таким способом заливает свою суть. Время, проведённое в этом кубрике, разделило его жизнь на две части «До» и «После».

Шлюз – так называют это место на блатном жаргоне, а формально этот клочок земли имеет особый статус, с одной стороны – оно является запретной зоной, где единственный Бог – это часовой, вооруженный автоматом Калашникова АК-74, с двумя магазинами боевых патронов. Этот солдат наделён правами и по закону должен применит оружие на поражение, в случае побега или нападения. С такого расстояние и слепой может отправит любого человека на тот свет, если, просто плавно нажмёт на курок. Кто-то в гражданском скажет «убили!», а люди в погонах будут «убийцу» награждать, «за предотвращения побега». В тюремной истории немало трагических случаев на этом участке, где оно является точкой опоры для побега. Один шаг до свободной жизни или один шаг до смерти!

– Молодой! Пропусти посетителя! – прозвучал в коридоре поставленный командный голос.

Со скрежетом сработали электрозамки. Несколько раз щёлкнули металлические языки дверей, вся стальная конструкция на пару секунд задрезжал и открылось! Вот оно – момент расставания и прощания! Прошло пару всего пару секунд. Тик-так.

– К Рахманову?

– Да... – с трудом выдавил эти две буквы через пересохшие губы.

– Пройдемте. Вещи не забудьте, всё ваше?

–...аа... – без потерянной буквы «Д» слышался как вопрос.

– Это ваше?

Он кивнул головой.

– Так берите, чего стоите? Первый раз что ли?

В ответ, он как немой только хлопнул ресницами.

– Горло что ли? Простыли?

Марат молча кивнул и дотронулся до своего кадыка.

– Пиво?

Он снова смиренно опустил голову.

– Тоже грешен. Что было вчера? Ех! Давайте идите за мной. – в этот раз более приветливо выразился толстоватый контролер с небольшим «пивным» пузом.

Похмелье, имеет свойство объединять людей, отравленных от алкоголя после весёлой ночи. Невысокий человек не совсем военного типажа, его Буденовские усы намекал на возраст – за полтинник. Молчания гостя, заглушил порыв толстяка, Марат смиренно последовал за ним, как юный курсант, растягивая шаги.

Эти апартаменты для свидания заключенных с родными напоминают совковую коммуналку. Комнаты покрашены в блекло синим цветом, будто сделали коктейль из остатков разных красок и применили – будь что будет. Невзрачно. Тут все благо – общие, санузел, совмещённый с уникальным унитазом-раритетом, с нутром как блюдец-поднос, придуманным каким-то нездоровым дизайнером.

Кухня на удивление просторная, на целых восемнадцать квадратов! Обеденный стол – на четыре человека, вся кухня сервирован наследством от общепита СССР. Полки кухонного гарнитура были забиты добротным фарфоровым сервизом, с той же эпохи, производства завода «Пролетарий» на шесть персон. Это подарок следственного отдела из склада конфиската, «вешдок» из дела осуждённого за умышленного убийства, кровавые отпечатки на этих посудах помогли поймать преступника. Историю этого презента администрации, знает весь арестантский братва, а гостям предпочитают не говорит о таких фактах, чтобы не портит им аппетит. Сервировка радует глаз, если, не знать всех деталей. Ещё надо отметить, что здесь повсеместно наблюдается идеальная чистота с ароматом хлорки.

Руководство колонии постарались, чтобы максимально приблизить обстановку к домашним условиям. На подоконниках поставили горшки с комнатными цветами, некоторое из них цветут вовсю, обогащая светом радости бедный пейзаж улицы. Вот только оконные шелковые шторы с абстрактными рисунками путают мысли посетителей.

Может быть, это сделали намеренно?

Если, вы узнали эти кухонные утвари – чугунный казан, сковорода, черпак, алюминиевые ложки и вилки, то можно сказать – что вы бывший советский человек. Значит, чувство брезгливости вас обойдут в отличие от молодого поколения. Сейчас эти приборы можно увидит только на блошиных рынках – как антиквариат или сданы на лом, они давно забыты на воле, но, здесь видимо ещё долго послужат своим хозяевам.

Спальная часть состоящий из четырёх комнат напоминают крохотные каморки, со скрипучими старыми железными койками, с полосатыми матрасами – чуть толще телогрейки,

накрытые знаменитыми советскими темно-синими полушерстяными одеялами, сверху лежать истоптанные исхудавшие подушки, набитые ветошью из местного швейного цеха. Освещается комната тремя лампами накаливания, люстра собранные из деревянных обожженных реек, напоминающую форму гнёзда аистов, на потолке полосы тени от этой нехитрой конструкции рисуют огромную паутину. По количеству нитей можно узнать, сколько лет заключенный мастер этого изделия прожил в неволе. Надо отдать должное, фантазия осужденных проявляется во многих рукодельях. На углу шкафчик для одежды, на двух полках лежат аккуратно сложенные постельные принадлежности, а нижних полках две пары домашних тапочек, для обеих полов гостей. Здесь также как во всех тюрьмах – всё постельное белье имеют параллельные полосатые линии синего цвета, символизирующий самый строгий режим, где постояльцами являются получившие максимальные сроки наказания. Вы не увидите на них, ни одного цветочка или другого рисунка, они напоминают «славную перспективу» здешнему контингенту. Никто не знает, когда и кто исполосовал нежный текстиль придавая к этому такой смысл. С давних времён так было заведено и это считается неизменным порядком. Всё это добро были сшиты самими заключенными, смиренно ждущих своего последнего звонка.

Этот долгожданный звон – каждый арестант услышит по-особому, для тех которым ещё сидеть до посинения, исколотыми самодельной тушью, сделанного из пепла кирзового сапога прозвучит очень громко, для одних – это просто очередной ненавистный скрежет звуков, а кому-то кто не ждал этого момента – оно напомнит звонок школы, верующему христианину – звон церковного колокола, а четвёртый человек просто захочет забыть про эти звуки, коих большинство. Не скоро услышит осуждённый Рахманов последний звонок, ожидания потянутся в несколько лет. К своему несчастью, он только половину срока отсидел, и никто не гарантирует ему скорую свободу, наоборот, могут и накинут сверху, отправит куда подальше за его своеобразный тюремный статус.

Важно заметить, что в этих стенах присутствует какой-то холод, хотя это южная сторона. Солнце, которое не греет, находится прямо над этой тюрьмой.

– Брат ваш чуть по позже подойдёт, после переключки. Пока вы устроитесь, я доставлю его. Буйный он у вас, с характером! Я его знаю – хорошо, познакомились в его первый день, как его с этапа сняли, как сейчас помню, а память у меня хорошая, так вот, он прибыл с города – откуда я родом, мне всегда интересно – кто и с чем к нам пожаловал. А тут, как ни как – земляки!

– Да он такой, с детства, только он родился не там. – гордо ответил и призадумался «хорошо знает, это – проблема!».

– Знаю, что официально мы не земляки и хорошо, что так! Из – за этого ничего путного вышло б, только одни проблемы. Так – то он правильный мужик, только вот слишком конфликтный.

– Есть такое...

– Таак, поставьте сумки на стол для проверки, ничего лишнего, то есть запрещённого нет? Выкладывайте всё содержимое на стол, доставайте всё из карманов и раздевайтесь.

– У меня ничего нет кроме продуктов и сигарет.

– Догола!

– Догола? – спросил, придерживая кашель.

– Работа такая, так положено. – виновато произнёс, принося в этих словах свои извинения.

Марат не поверил искренности проверявшего, сам был таким когда-то, и не издав больше ни звука он смиренно, стал раздеваться, как тогда – в медкомиссии перед поступлением милицейскую школу. Тогда это было для него впервые и самым унижительным процессом, в тот момент его маленький мозг не понимал, что будет после того, как останется без одежды, совершенно голым перед толпой чужих людей. Юнец не знал, что врач, который осматривал всех

мальчиков, потребует от него показать все части интимных мест, в развёрнутом виде. Тогда, он впервые оказался под взрывным хохотом своих ровесников, смеху было как на выступление клоуна, ему пришлось подчиниться требованию незнакомой дядьки в белом халате. Он будет хранить в самом укромном месте – эту психологическую травму. Мальчику было до слез обидно, он не понимал, почему это так мерзко? Марат с раннего детства был недоверчивым, впрочем, как и как сейчас. Юный человек ещё не успел с кем-либо познакомиться, ему было одиноко. Для знакомства потребовалось время.

Тем временем пока гость окунался в своей памяти, контролер стал копаться в его вещах, как в прошлом сам также рылся в чужих вещах, в поисках нужного и полезного. В таких случаях, почти всегда, как правило он повторял про себя «Для дело!». Так он игнорировал вопросы нравственности. Были и такие действия не ради дела, а просто чтобы потешит своё нездоровое любопытство. Очень скоро это станет его профессиональной привычкой. Так он не заметно для себя, постепенно превращался в породистую ищейку. «Всё возвращается на круги своя» эту истину он понял совсем недавно, когда стал простым гражданским лицом.

Прапорщик, осмотрев безгловым взглядом костлявое тело посетителя, велел ему:

– Кругом повернитесь, посмотрите на эту картину и примите позу этой дамы.

Марат увидел на стене плакат с изображением девушки с наклоняющим туловищем, не дожидаясь дальнейшего требования контролёра, оголил свой тощий зад, нагнулся. Проверяющий даже не удостоил вниманием такую инициативу посетителя, был занят разбором содержанием сумки. Проверка вещей заняло буквально пять минут, лишними оказались только сигареты и деньги. Пятьсот американских долларов и девять тысячи тенге с мелочами контролёр изъясил из его портмоне.

– Деньги?! Валюта – это запрещено! Вы должны были задекларировать и должны были оставить на КПП у часового, а теперь конфискуем, это нарушения закона, я составлю акт изъятие, и в пользу государства! – ехидно заявил проверяющий.

– Командир, можно мне одеться?

– Можете. Чем вы отличаетесь от брата? По мне одно лицо! Но, по характеру противоположенные. – продолжал ехидничать, что совсем не красит человека в мундире.

– И чем я отличаюсь от него? – ответил повернувшийся лицом к нему.

– Вы шустро до гола разделись. Он лучше попадёт в ШИЗО, чем останется без штанов. Ну вы сами спросите у него, захочет расскажет.

– Спрошу, обязательно спрошу. Внешне отличаемся только родинкой на его лице, – бывший служебный интриган нарочно заострил внимание на особом примете, – Потом... мы разные и ему сейчас не сладко.

– Конечно, конечно, так что с деньгами?

– Это зелень взял для «фифти-фифти!» как говорится, – ответил бывший следователь, изображая на овальном лице доверительную улыбку, позабыв подкол служивого.

– Не понял? – наглядно надевая маску возмущённого.

– Ну это... как же там он без денег? Это плохо. Вы это... оставьте себе сколько посчитаете нужным, а остальное ему.

Наступила минутная пауза. Прапорщик начал, наслаждаясь шелестом новых купюр, стал пересчитывать американские казначейские билеты.

Опытный следователь уже угадывал последующие события. Самое главное он знал формулу как дать «на лапу» без опасения. За этот бесценный урок своего шефа, был благодарен своему первому учителя по мздоимству, начальнику уголовного розыска в родной РОВД. Такое не преподают нигде в мире и не каждому! Фундаментальное правило шефа милиции гласило: когда и сколько? «Если, точно всё рассчитать, возьмёт даже святой! Целая наука! Ты должен знать, что он жрёт на завтрак и какого цвета его говно?» – повторял «учитель», видимо сам отлично освоил этот предмет, раз много лет занимает этот пост.

Марат всегда был примерным учеником, за это качества его любили все учителя в школе, и за это же его способности невзлюбили курсанты. Здесь, эти знания пригодились, впрочем, как и везде. Он знал максимальную сумму, что дозволит контролёр, это твердая верхняя ставка – две сотни зелёный купюры за благосклонность служивого за время свидании. Больше этой суммы не потянуть основная часть гостей и не дозволит должность контролёра, это «эстафета», тут оперативники не зря кушают свой хлеб, за нарушения отлаженный системы взяток в ответе были именно эта служба. Это не банковское учреждение, на зоне деньги решают многое: бытовые проблемы осужденных, закрывает карточный долг. На этом ограждённом от мира островке деньги имеют всемогущую силу, конечно, купит можно всё! Для него, доллары нужны на экстренные случаи, чтобы убедит интересующего о платежеспособности.

Вот и момент выбран подходящий, лучше не придумаешь. Охраняемый объект, где действует свои неписанные законы, туда попасть не замеченным, не удастся никому, и борцы против коррупции остаются с наружи слюнявыми языками, как охотничьи псы за улетающими гусями. Самое безопасное место для нарушение всех законов, здесь всё подчиняется неписанным понятиям воров и козлов.

– Поровну не получится, здесь пять сотен.

– Всего лишь столыжник, Вы вольны в своём решении, а ему ещё сидеть да сидеть... – Марат заранее узнал от своих, что контролёр возьмёт меньшую часть, здесь так заведено, так оно работает. Бывший следователь был уверен, что этот план сработает, представители Фемиды иногда прислушивались тюремным пословицам «жадность губит фраера».

– Будь, по-вашему, добрый я сегодня, это я оставлю себе, только смотрите не болтайте лишнего. И как говорится – ничего личного. Работа!

И в правду, в сумках не было ничего запрещённого «игра – не стоит свеч, главное – остаться там!» – не раз повторял эти слова про себя. Из пятисот долларов, две столондаровых бумаги благополучно перекочевали в карман местного блюстителя порядка. После такого отката, он не стал дальше досматривать.

– Я уважаю благородных людей, Марат Аланович, вы не стали пихать деньги в свою в канализационную трубу, такой тайник имеет свой конец. Знаете ли... просто супер – как морской контейнер! – продолжил, изображая на лице улыбку, – и позу правильную приняли, без лишних вопросов, хотя, приходилось, и оттуда доставал много чего. А вы знали, что получивший простой массаж простаты, тоже считается опущенным? – прапорщик заржал во весь рот как конь, показав двухрядные зубы из благородного металла.

– По ТВ видел. – угрюмо ответил гость.

– Всё! Досмотр окончен, собирайте вещи и идите за мной. – снова прозвучал строгий командный голос.

Собирая разбросанные продукты по столу, спешно запихивая всё в сумку он вспомнил, что два года тому назад он был пациентом уролога. Хронический простатит замучил его, и любимая жена забеспокоилась, она уговорила пойти на консультацию к знакомому врачу близкой подруги. Больной, жалующий на потенцию, вначале не хотел, но, со временем пришлось согласиться, так как между ними угасали все тактильные чувства. Кроме многих лекарств, доктор предложил ему тот самый массаж, о котором говорилось выше. Ему было всё известно про урологический массаж, и даже негативное отношение заключённых к такой терапии.

Тогда у него не было выбора, ведь на кону стоял собственное здоровье и любовь женщины. Лечение эту процедуру называть трудно, такой извращённый вариант терапии! Марату казалось, что этим методом мучали тех, на кого врач «точил зуб». Ему тогда причинили невыносимую физическую боль, а в душе стало ещё хуже, мерзко и униженность осталось на долгое время, как будто над ним надругались.

В эту минуту он почувствовал сильную боль, словно его укололи, самым большим шприцом, глубоко, между дряблыми ягодицами.

Глава 5

Есть три вещи, которых боится большинство людей: доверять, говорить правду и быть собой.

Федор

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.